

ТАТЬЯНА
ЕРИЦИК

Серебро ночи:
трилогия третья

- Примум -
Книга первая

Серебро ночи

Татьяна Герцик

Серебро ночи. Примум. Книга 1

«Автор»

2020

Герцик Т.

Серебро ночи. Примум. Книга 1 / Т. Герцик — «Автор»,
2020 — (Серебро ночи)

ISBN 978-1-00-532455-1

Феррун с Сильвером возвращаются в Терминус, горящий в огне вражеского нашествия. Приехавшая с ними Амирель помогает Ферруну справиться с лазутчиками-имгардцами, пробравшимися в страну, и начинает чувствовать вкус власти, верша справедливость. Агнесс мучается, что из-за женитьбы на ней Рэдд лишился дворянства, и мечтает, чтобы тот смог вернуть утраченное, хотя сам бывший нескио о своем выборе не сожалеет. Что с героями будет дальше? Ведь бесконечная кровавая война унесла уже столько жизней...

ISBN 978-1-00-532455-1

© Герцик Т., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Герцик
Серебро ночи. Примум. Книга 1

© Татьяна Герцик

Глава первая

Лежа на прохладной земле под редкой сенью потерявшего почти всю листву бука, Сильвер грыз травинку и расслаблено наблюдал за мирно плывущими по небу легкими перистыми облачками. Небесная синева в Северстане была призрачной, какой-то блеклой, да и само небо нависало над землей гораздо ниже, чем в Терминусе. Впрочем, после полугода, проведенного в толще горы без дневного света и свежего воздуха, ему здесь нравилось и обратно в мрачные и холодные подземные переходы не хотелось.

Лесок, где они обосновались, был не густым, но и не слишком редким. Среди почти полностью облетевших высоких лиственных деревьев стеной подрастал пышный темно-зеленый ельник и разлапистые сосны. Встречались и незнакомые Сильверу деревья, в кронах которых вили гнезда странные пестрые пичужки, будившие их по утрам громким радостным пиньканьем.

Ярко горевший костер из собранного по округе хвороста – ломать деревья, выдавая свое присутствие обломанными сучьями, Сильвер опасался – уютно потрескивал, рассыпая во все стороны красноватые искры; жарившаяся на огне оленина источала возбуждающий аппетит аромат, тишина и безмятежность тихого дня навевали сонный покой.

От воинов, плещущихся в тихой мелкой заводи небольшой речушки, доносился веселый смех. После ледяных ручьев и озер подземного пути прогретая на солнце вода казалась им теплой и ласковой как парное молоко.

Выйдя из тоннеля пару недель назад и обнаружив под горой это милое местечко, они первым делом вымылись сами и выстирали одежду, за исключением меховых вещей, которые просто выхлопали и развесили сушиться на деревьях. Мыла, взятого с собой, после стирки и помывки осталось маловато, но это их не страшило – все верили, что скоро смогут вернуться обратно в родной Терминус.

Сильвер тоже надеялся на это. Вот только когда ждать Ферруна, в первый же день уехавшего разыскивать столицу Северстана? С собой тот не пожелал взять никого, презрев все их увещевания. Сильвер хотя и понимал, что Феррун прав, ведь лошадь у них была одна на всех и раздобыть новую не представлялось возможным, во всяком случае, в этом диком краю, но все равно был недоволен своеволием Ферруна, и его досада была не беспочвенна.

Со своим неистовым и драчливым характером Ферруну только с имгардцами сражаться, а не визиты иноземным правителям наносить. Представив, как, разозлившись, Феррун хватает за грудки короля Северстана и трясет его, словно надоевшую игрушку, Сильвер рывком сел и плотно сжал зубы, чтоб не выругаться вслух. Но что он мог поделать? Феррун всегда решал сам, как ему поступать, не слушая ничьих советов, и отвратить его от принятых им решений было невозможно.

Но они должны быть ему благодарны за все то, что он для них сделал. Если б не Феррун, они, руководимые неверной картой, пошли бы в горы, рискуя либо обморозиться, либо попасть под лавину.

Отвлекая Сильвера от неприятных мыслей, с речки вернулись полуголые воины, обмотанные лишь узкими тряпицами вокруг бедер. Хотя осеннее солнце стояло в зените, тепла от него было немного, но привыкшим к лишениям мужчинам нравилось все. Они подставляли влажные бока под его ласковые лучи и жмурились как большие коты.

– Эх, и хорошо же! – сверкая каплями воды на коже, радостно пропел Теофил и сел на поваленную ветром лесину рядом с Сильвером.

Хмурый Алонсо, не в пример другим полностью одетый, воткнул очищенный прут в кусок мяса пожирнее и принялся осторожно есть, не глядя по сторонам. По его примеру оленину быстро разобрали, и вскоре на поляне наступила тишина, прерываемая звуками вгрызав-

шихся в мясо крепких зубов. После сытной еды обсохшие мужчины оделись и повалились на расстеленные по земле меховые плащи.

Рассеянно опустив взгляд, Сильвер насторожился: колдовской камень на рукояти висевшего на поясе кинжала, оставленного ему Ферруном, угрожающе светился не огненным полыханием, как в моменты близкой опасности, а лишь слабым красноватым отблеском – предупреждением грядущих неприятностей.

Сильвер резко поднялся и скомандовал:

– Встаем, быстро все убираем, так, чтоб не осталось никаких следов нашего бивака. Сюда идут. И идут не друзья. – Он поднял кинжал, показывая мерцающий камень.

Вмиг вскочившие воины в полном молчании тотчас собрали вещи, аккуратно заложили дерном потушенный костер. Сильвер впервые порадовался, что шкуры и кости съеденных ими животных, даже крупные скелеты оленей, оставляемые ими в лесочке, за ночь исчезали без следа. Никаких хищников они не видели и не могли понять, кто же подчистую подъедает все, что они оставляют.

Но теперь это играло им на руку. Убедившись, что никаких свидетельств их пребывания не осталось, Сильвер последним ушел за своим отрядом к пещере, в которой они проводили каждую ночь, не желая встречаться с местными хищниками.

Они успели вовремя. Через некоторое время под горой показались ехавшие непрерывной чередой, что-то выскикивавшие и высматривавшие верховые в сверкающих на солнце доспехах, держа наизготовку остро отточенные мечи.

Обрадовавшийся живым людям Эдмунд предложил выйти к незнакомцам и поговорить, но Сильвер запретил даже выглядывать из тоннеля, указав на сильнее засиявший колдовской камень. Да и его интуиция опытного воина просто вопила, предупреждая, что чужеземцы появились здесь неспроста и явно не с добрыми намерениями.

Времени прошло вполне достаточно, чтобы Феррун добрался до столицы Северстана. Неужто в попытке добыть столь нужный им чародейский камень он сотворил нечто такое, отчего рассерженный король послал на поимку пришедшего с Ферруном маленького отряда целое войско?

И что им делать, если он угодил в переделку? В это верилось плохо: с разозленным Ферруном лучше не связываться, но если он попал-таки в ловушку? Идти на выручку глупо: они не знают ни местности, ни языка. Судя по настрою рыщущих вокруг воинов, их перебьют как котят – и волшебные мечи не помогут, если против их семерки выступит несколько сотен человек, вооруженных добротными луками и самострелами. Да и какой прок в сражении? Вот если б тут был Беллатор с его даром убеждения, он бы быстро уговорил короля Северстана подарить им камень. У него, Сильвера, на такое, увы, ума не хватит.

Эх, стоило ему идти вместе с Ферруном – сидеть тут и ждать сложа руки никакого терпения не хватит.

– Дружище, прости, но мне плохо! – подошедший к нему Алонсо снова выглядел преотвратно: щеки ввалились, покрасневшие глаза смотрели мутным угрожающим взглядом, раскоординированные дерганные движения рук и ног свидетельствовали о новом приступе. – Я не могу жить в пещере, дыша этим отвратительным затхлым воздухом.

– Потерпи еще немного, – Сильвер с сочувствием похлопал друга по плечу. – Мы ждем Ферруна со дня на день.

Отравленный крысиной вонью Алонсо никак не мог поправиться. Когда рядом был Феррун, ему было намного легче – привезенная тем чудодейственная сажа помогала, хотя и ненадолго. Но теперь, когда Ферруна не было вот уже вторую неделю, Алонсо становилось все хуже и хуже, а оставленная Ферруном целебная сажа закончилась. Но на свежем воздухе друг еще держался, а вот под тягостными сводами мрачной пещеры быстро изнемогал.

– Я выйду ночью, пройду, может, отдышусь немного, – простонал бедолага, растирая грудь. – Здесь, в пещере, меня все гнетет, боюсь, опять сорвусь.

Сильвер с опаской покачал головой. Приступ беспамятства Алонсо, во время которого тот не понимал, что творил, мог стать роковым для всего отряда.

– Хорошо, делай, как тебе лучше, – разрешил Сильвер, не видя другого выхода. – Только будь осторожен. Не нравятся мне эти парни с мечами. Да и самострелы у них не просто так за плечами болтаются.

Алонсо подошел поближе ко входу и лег возле стены ничком, положив лицо на согнутые руки. Сильвер проводил его озабоченным взглядом и нахмурился. Вот и еще один повод для беспокойства. Если друг не справится с собой, будет худо. В приступе буйства Алонсо становился так силен, что сладить с ним было очень трудно. Придется его связывать, чего отчаянно не хотелось. Он любил друга и переживал за него. Эх, если б в прошлом году они не отправились в замок Контрарио!

И тут же вынужден был поправиться: если б они не пошли, то серые крысы так и шпионили бы для графа, и кто знает, как долго это могло продолжаться. Да и Феррун вряд ли покинул бы свое уютное жилище, устроенное им в дымоходах этого страшного замка, и не вмешался бы в события с такой невероятной силой.

Так что никто не знает, что к лучшему, а что к худшему. Все переплетено в один тугой узел, и не им судить о настоящем. Что сделано хорошо, а что плохо, покажет только будущее.

Сильвер спустился поглубже, туда, где царил вечный холод. Здесь ими был устроен склад продуктов. Им повезло: они успели настрелять дичи и приготовить достаточно припасов на обратную дорогу. Добыто пять упитанных, нагулявших к зимовке жирок оленей, несколько десятков куропаток и похожих на фазанов крупных птиц. Большая часть мяса ушла в засолку, часть просто провялена на солнце. А если удастся поймать довольно вкусную рыбу, водившуюся в пещерных озерах, то голодать им точно не придется. Вот если б еще хлеба раздобыть, но чего нет, того нет.

Еще раз убедившись, что к обратному походу все готово, Сильвер возвратился к товарищам. Осталось дожидаться Ферруна с Секундо. И пусть даже вернется без камня, но целый и невредимый.

День наконец прошел, солнце закатилось, вокруг медленно стемнело. Алонсо рывком поднялся, пошатываясь и ни на кого не глядя, вышел наружу. Раздался тихий шорох шагов по каменной осыпи, и все стихло. Сильвер подошел поближе к узкому выходу из тоннеля. Его спутники расположились рядом, оглядывая окрестности.

– Зря ты его отпустил, – недовольно покачал головой Родриго, тоже глядевший вслед Алонсо, и опасно заметил: – Не натворил бы он бед. Кругом полно северстанцев.

– Если б не отпустил, он наверняка бы сорвался. Вот тогда неприятностей точно было бы много, – устало возразил ему Сильвер, понизив голос – в ночной тишине звуки разносились далеко.

– Какого лешего его понесло за нами, – Теофил поднял небольшой камешек и швырнул его вниз, в чернеющий провал, – наказание одно с ним.

Раздалось еле слышимое шуршание прыгающего по горе камня, недовольно проскрипела потревоженная пичужка, и снова все смолкло, лишь ветер постанывал где-то в вышине.

– Ты поосторожнее, нам лишний шум ни к чему, – предупредил Теофила осмотрительный Родриго. – Видишь, во-о-н там и сейчас при свете факелов внизу какие-то типы ямы роют. Причем сплошной траншеей вдоль всей горы. Скоро и до нас доберутся.

Теофил недовольно дернулся.

– Да осточертело уже все. Сколько мы тут еще куковать будем? – он вопрошающе повернулся к командиру их небольшого отряда.

Сильвер неслышно вздохнул. В самом деле, не сидеть же им в этой пещере бесконечно? Скоро зима, то единственное время, когда можно будет спокойно перебраться через замерзшие болота. Они как раз за месяц пройдут через тоннель. Теперь, когда он расчищен и они знают, что делать и куда идти, это несложно.

Закаленные в тяжелых боях, но не выдерживающие тщетного ожидания, мужчины столпились вокруг своего командира и нетерпеливо переминались с ноги на ногу, жаждающая прямого ответа.

– Подождем еще неделю и отправимся обратно, – решил Сильвер. – Ждать далее этого срока нет смысла. На Агфе Феррун нас догонит без труда. – И мысленно добавил: «Если он еще цел».

Напряженные плечи опустились, кулаки разжались, воины расслабились. Теперь, когда были обозначены реальные сроки, ожидание уж не давило тяжким грузом.

Готовясь к ночлегу, мужчины расстелили на полу пещеры не раз выручавшие их меховые плащи, укладывая те поближе к выходу, чтоб дышать свежим воздухом, завернулись в них и безмятежно заснули.

Не спал лишь ожидающий друга Сильвер. Он сидел возле выхода, пристально всматриваясь в ночь и прислушиваясь к малейшим шорохам. Внизу, под горой, то и дело вспыхивало и гасло красноватое пламя костров, доносилась угрожающе звучащая незнакомая речь. Тревога все нарастала, не давая ему дышать полной грудью.

Алонсо появился уже перед самым рассветом, когда в воздухе забрезжило марево тускловатого северного светила.

– Меня ждешь? – Алонсо присел рядом с Сильвером и неловко его обнадежил: – Мне немного полегче. Пришлось изрядно побегать, чтоб выгнать из груди этот смрад. Но зато я разведал немало интересного. Слышал тоже много, но мало что понял, языка-то я не знаю. Из запомнившихся мне слов чаще всего звучали «амара» и «король». Король – понятно, а вот амара – нет. Что оно означает?

– Оно когда-то употреблялось и у нас. Означает «любовница» или «фаворитка», – пояснил Сильвер с усмешкой.

Отчего-то вспомнилась сладкая Домина, призывно раскинувшаяся на своей постели и протягивающая к нему белые руки. Едва они возвратятся в Купитус, он тут же отправится к ней. Погрузиться в ее роскошное тело – ни с чем не сравнимое удовольствие. Сильвер с предвкушением усмехнулся, представив ее рядом с собой.

Алонсо после недолгого размышления заметил:

– Странно. Мне показалось, северстанцы ругались, произнося это слово. Они что, недовольны фавориткой короля? Что ужасного она натворила, раз ее со злостью поминали все встреченные мной мужики? И да – они роют огромные траншеи. Дошли уже и до нашего склона. И еще через равные промежутки устраивают какие-то странные ловушки. Но что в них, я так и не понял.

– Ловушки? Для кого, интересно? Не для нас же? – Сильвер легко поднялся, взмахом руки указав другу на расстеленный возле входа плащ. – Отдыхай, ты устал за ночь.

Благодарно кивнув, Алонсо упал на него, вытянулся во весь рост, зевнул и тут же заснул. Озабоченно заломив бровь, Сильвер бесшумно подошел к выходу. Встал на самом краю спуска, уверенный, что снизу его никто не увидит из-за служившего ему опорой нависающего над горой козырька, и принялся пристально разглядывать окрестности.

Сквозь рассветную дымку видно было плохо. Но даже и так, прищурившись, он разглядел голых до пояса мужиков, усердно копающих довольно широкие траншеи. Потом на телегах подъехали другие, в темных кафтанах, с лицами, перевязанными тряпками, и принялись осторожно раскладывать в подготовленные ловушки какие-то туго набитые небольшие мешочки.

Что это может быть? Сильвер потер лицо, стараясь взбодриться. В голове немного прояснилось, и он понял – в мешочках какая-то отравка. Но для чего такие странные приготовления? Не достаточно ли выпустить по цели рой стрел с отравленными наконечниками? В чем смысл такой нелепой и трудоемкой западни?

К нему вышел проснувшийся член их отряда, Чистер. Широко зевая, промямлил:

– Спать хочется так, будто сон-травы нанюхался, или это воздух здесь такой снотворный?

Сильвера будто кто по голове ударил. Да в мешках же сонный порошок! Точно! Иначе с чего бы их носили с такими предосторожностями? Значит, кого-то хотят взять живым, причем не просто живым, а невредимым.

Но все равно это было непонятно. Если ловят Ферруна, то отчего он им нужен исключительно невредимым? Или невредимым нужен кто-то другой? Неужто Феррун умудрился захватить с собой любовницу короля, эту самую амару?

Сильвер недоуменно пожал плечами, обдумывая столь странную мысль. Для чего Ферруну королевская амара? Чтоб заставить правителя Северстана отдать Секундо? Это по меньшей мере глупо, у короля наверняка не одна фаворитка. Одной больше, одной меньше – особой роли не играет. Если только он не серьезно влюблен, вот тогда он горы свернет, чтоб ее вернуть.

Но выходит, что Феррун везет сюда эту особу как пленницу? Мысль о женщине, к тому же наверняка молодой и красивой, – ведь другой фаворитки у короля быть и не может – взятой в заложницы, претила Сильверу, и он резко взмахнул рукой, отменяя эту досадную идею.

Решив, что на одних догадках можно сломать голову, но так и не приблизиться к отгадке, ведь подоплеку поведения Ферруна он не знает, Сильвер бросил это безнадежное дело. Пошел внутрь тоннеля, туда, где из каменной стены лился тоненький ледяной ручеек. Умылся, недовольно пофыркая от слишком холодной воды, напился, согревая ее в пригоршне, чтоб не застудить горло, – болеть без Ферруна и его целебной сажи было нельзя, набрал воды в котелок и чайник, разжег костер. Пока еще темно и снаружи не виден уходящий через щели в скале дым, стоило приготовить что-нибудь поесть.

Вообще-то сегодня это должен был делать Чистер, но тот застрял у выхода, не в силах оторваться от ползающих под горой людишек, кажущихся с такой высоты букашками. Спихватился он только тогда, когда Сильвер закончил подогреть пару подстреленных третьего дня жирных, уже приготовленных и сохраняемых в холоде гусей, и снял с огня закипевший чайник.

На призывный запах подтянулись все остальные члены отряда, кроме Алонсо.

– Эх, кусочек хлеба бы! – жалостно протянул Эдмунд, обглаживая ножку гуся. – И почему мы не купили хлеба у местных жителей? Да и солью неплохо бы разжиться.

Сильвер промолчал. К чему говорить то, что и без слов все знают? Искать местных жителей запретил он сам, и никто ему возражать не решился. А сейчас его предусмотрительность подтвердилась: если б они вышли к селениям, показавшись жителям, то сейчас воины Северстана точно бы знали, где их искать, и, вполне возможно, или убили, или взяли бы в плен.

После еды мужчины сели играть в кости на желания, которые победителями выдумывались на редкость нелепые. Сильвер не возражал – ему и самому было весело наблюдать за попытками здоровенных мужиков прокукарекать, стоя на одной ножке и хлопая руками, как петушиными крыльями, или спеть канцонетту женским голосом.

Проснувшийся позже всех Алонсо доел то, что оставили ему от гуся, выпил крепкого травяного чая. С присвистом дыша, отошел подальше к холодной стене и безысходно уткнулся в нее лбом, желая хоть немного охладить голову, – ему снова стало хуже.

Игроки с некоторой опаской посматривали на него, ведь Ферруна, который бы и усмирил, и подлечил Алонсо во время очередного приступа, не было, а одним им с ним справиться было весьма и весьма сложно.

Эдмунд взглянул на Сильвера, с намеком потер розовый шрам на виске – болезненный след стычки с разъяренным Алонсо. Потом, кинув опасливый взгляд на стоящего к нему спи-

ной безумца, покрутил рукой, намекая, что неплохо было бы его связать, пока тот относительно безопасен.

Это было разумно, но пойти на такое Сильвер не мог. Подобное действие стало бы гнусным предательством по отношению к тому, кто столько раз спасал его от неминуемой гибели в бою, жертвуя собой. Отрицательно мотнул головой, запрещая, и Эдмунд недовольно поморщился. Он все понимал, он тоже воевал с Сильвером и Алонсо в одном отряде, но не думал, что в их отчаянном положении стоило придерживаться правил чести – нужно быть благоразумнее.

Ведь Алонсо болен, и болен тяжело. Да тот и сам, будучи в здравом уме, просил связывать его, если он опять станет неменяемым и примется угрожать друзьям. Вздохнув, Эдмунд презрел недовольство командира и ушел-таки готовить аркан, уверенный, что тот скоро им понадобится.

Охладив больную голову, Алонсо почувствовал себя чуток получше, поплотнее завернулся в плащ и снова заснул. Сильвер тоже решил вздремнуть хоть немного – усталость после бессонной ночи брала свое. Взяв валяющийся посередине пещеры плащ, подошел поближе к Алонсо, устроил импровизированное ложе подле друга и задремал, по старой воинской привычке просыпаясь через равные промежутки времени, внимательно осматривая пещеру и снова засыпая, убедившись, что все в порядке.

Поднялся уже под вечер одновременно с Алонсо. Тот снова пугал всех своими мутными красными глазами и прорывающимся сквозь стиснутые зубы звериным рычанием. Порой Сильверу казалось, что друг мало-помалу превращается в страшную кровожадную тварь, похожую на ту огромную мерзкую крысу, что он зарубил в замке Контрарио. Как это предотвратить, никто не знал. Оставалось только уповать на скорейшее возвращение Ферруна.

На сердце у Сильвера было беспокойно. Его встревожил приснившийся ему странный, слишком уж счастливый сон. Девушка с такими же, как у Ферруна, пронзительно-синими глазами нежно улыбалась ему, обещая неземное блаженство, и протягивала тонкую руку в безмолвном призыве. Он проснулся в счастливом предчувствии, быстро перешедшем в отчаянье от недостижимости пленительного сна.

Успокаивая, убеждал себя, что это всего лишь обманное сновидение, ведь и на него действует эта страна с солоноватым воздухом и носящейся вокруг опасностью, но сердце не слушало увещаний и чего-то упорно ждало.

Постарался забыть томительный сон. Встал, распрямил плечи, походил по пещере, разминая затекшие члены. Какое-то недоброе предчувствие томило грудь. И связано оно было не с Ферруном. Что-то плохое происходит в Терминусе?

Наверняка там идет жестокая война, а он застрял тут, изнывая от невозможности помочь. И зачем только отец послал его в Северстан! Невероятно трудный и, похоже, тщетный поход. Лучше бы он сражался на родине лицом к лицу с врагами, чем сидел здесь, поджидая возвращения Ферруна.

Неделя ожидания тянулась невероятно долго, время будто остановилось. Может быть, в этом холодном северном краю оно и впрямь движется по-другому? Гораздо медленнее, чем на юге. Сильвер поделился своими мыслями с соратниками. Мнения разошлись. Мадрис, Чистер и Родриго считали, что так оно и есть, а Эдмунд с Теофилом придерживались присказки «долог день до вечера, коли делать нечего».

Бедный Алонсо не участвовал в обсуждениях – он чувствовал себя все хуже и хуже. Стараясь вытравить из груди крысиный смрад, уходил каждую ночь в горы и возвращался лишь под утро, принося добытую им дичь: то огромных птиц с неизвестным названием, нежное мясо которых они оценили по достоинству, то жирных, приправившихся к зимовке подсвинков. Отдав добычу Сильверу, ложился спать, ни с кем не разговаривая, безуспешно стараясь подавить злобную раздражительность.

Эдмунд не раз предупреждал Сильвера, что Алонсо на грани и до вспышки дикого бешенства осталось совсем немного, и требовал держать наготове веревки. Сильвер отмалчивался, не желая оскорблять недоверием друга, но не столь щепетильные члены отряда все-таки приготовили арканы и настороженно следили за Алонсо, готовясь немедленно его связать, лишь только тот впадет в беспричинную ярость.

В последний день перед обещанным уходом Сильвер мучился, не зная, как ему поступить: отменить собственный приказ, что вызовет возмущение членов отряда; попросту разделиться, отправив воинов обратно в Терминус, а самому с Алонсо остаться и ждать Ферруна; или все-таки уходить всем вместе.

Поделился своими сомнениями с Эдмундом, и тот в сердцах обругал его недоумком:

– Разбивать отряд глупо, и ты это знаешь сам. Нас и без того мало, и неизвестно, какие опасности ждут впереди. Сюда мы дошли без потерь только потому, что с нами был Феррун и корежане. Одним идти назад будет гораздо труднее. А если нас к тому же останется всего пятеро, то шансы вернуться уменьшатся ровно на столько, сколько человек останется тут.

– Но Алонсо с вами не будет. Это уже огромный плюс, – не слушая больше что-то горячо доказывающего ему Эдмунда, Сильвер подошел к выходу из пещеры и хмуро уставился на медленно темнеющее небо.

Как эта неприятная страна отличается от его родного Терминуса! Даже закаты здесь медленные, томительные и какие-то бесцветные. Как хочется скорее вернуться на родину, вдохнуть родной пряный воздух, от которого хмелеешь без вина, и посмотреть в яркое синее небо, безбрежным шатром раскинувшееся над головой!

К нему быстрыми шагами подошел хрипло дышащий Алонсо.

– Я пошел? – он скорее поставил в известность, чем спросил позволения уйти. – Попробую пробежаться на свежем воздухе. Хоть проветрюсь немного.

– Будь осторожен и не задерживайся, я за тебя волнуюсь, – попросил его Сильвер. – Завтра мы уходим. Феррун нас всегда догонит.

– Я тихо, – Алонсо явно не понравились слова друга о беспокойстве за него. – Посмотрю, что вокруг – и обратно. Меня никто не увидит.

Он вышел, а Эдмунд, поймав себя на недостойной мысли уйти без опасного соратника, шлепнулся на расстеленный плащ рядом с игравшими в кости при свете факела воинами. Присоединился к игре, досадуя на самого себя. До чего может дойти нормальный человек, сидя в этом каменном мешке? До откровенного предательства? Нет, отсюда нужно уходить. От безделья и свихнуться недолго.

Сильвер привычно устроился на камне рядом с выходом, вновь поджидая Алонсо. Спать не хотелось. В воздухе витало что-то непонятное, опасное и даже грозное. Его нельзя было пощупать, увидеть, попробовать на вкус, но он точно знал – это есть. Об этом же предупреждал и мерцавший чуть заметным красноватым светом камень в рукоятке кинжала Ферруна.

Что-то должно произойти, но вот только что?

Он чутко прислушивался к звукам, но вокруг царил обманчивая тишина. Ночь была по-северстански неуютно белесой, даже без освещавшей землю луны тень от огромной горы угрожающе нависла над долиной. Стоило бы передохнуть, дорога впереди предстояла трудная, но все увеличившаяся тревога не позволяла Сильверу и помыслить о сне, хотя от безделья он уставал куда больше, чем после самого тяжелого боя с имгардцами.

Решил караулить, чтоб быть начеку, – спать в такую ночь явно не следовало.

Через несколько часов в черном проеме входа показалась высокая фигура, и Сильвер вскочил, вытащив кинжал из ножен.

– Это я, – запыхавшись, проговорил Алонсо. – Что-то вокруг неладно. Караульщики затаились, сидят тихо, как мыши, чего-то ждут. Факелы погашены, где траншеи, не видно.

– Ферруна ждут, больше некого. Но для него темнота не помеха. – Сильвер потер налившиеся тяжестью веки. – Спать пойдешь?

Друг болезненно растер грудь.

– Не могу. Я, как дикий волк, должен бегать кругами, чтоб хотя б немного разогнать хмарь в груди. Иначе опять на кого-нибудь наброшусь. Хотя какой из меня волк? Скорее уж мерзкая крыса. Может, мне все-таки забраться повыше и спрыгнуть вниз? – хрипло предложил Алонсо. – Всем станет легче. Мне-то уж точно.

Сильвер порывисто обхватил его за плечи и крепко встряхнул.

– Не выдумывай! Мы с тобой и не в таких передрыгах бывали. Выдюжим. Вспомни поход в замок Контрарио, вот где было жутко. А это ерунда. Вот вернется Феррун и вылечит тебя. У него наверняка осталась целебная сажа.

Алонсо освободился, не желая принимать сочувствие, так похожее на жалость.

– Не знаю. Если не приедет Феррун, я сорвусь. И дай слово, если это случится – ты прекратишь мои мучения. Бей кинжалом прямо в сердце, иначе я убью кого-нибудь из вас и все равно потом не смогу жить. Обещай! – потребовал он, глядя другу в глаза.

– Ничего подобного я обещать не собираюсь! – Сильвер сердито погрозил ему кулаком. – И не думай даже о подобном.

Алонсо побрел внутрь, схватившись за трещавшую от боли голову и раскачиваясь из стороны в сторону. Проводив его горестным взглядом и сочувственно вздохнув, Сильвер сел на самом краю осыпи, ведущей вниз, рискуя скатиться, и принялся разглядывать подножье горы. Из-за мрачной тени ничего не было видно, но беспокойство, разлитое в воздухе, все нарастало, заставляя сердце биться быстрее.

Внезапно внизу раздался шум, какой-то треск, загорелись факелы, разбрасывая вокруг тонкие лучи света. Сильвер стремительно поднялся. Из темноты вырвался высокий силуэт лошади, мчавшейся по, казалось бы, отвесной горе. Это могла быть только Агфе, и Сильвер отскочил в сторону, давая ей дорогу.

Она пронеслась мимо, едва не задев его, и остановилась в нескольких ярдах от входа, с присвистом дыша.

– Феррун, ты вернулся! – радостно вырвалось у Сильвера. – Наконец-то! Камень с тобой?

– Как видишь! – в своей небрежно-высокомерной манере отозвался тот, не отвечая на самый главный вопрос. – Не ждали?

Сильвер подбежал к нему, по-мальчишески подпрыгивая от накрывшего его чувства облегчения.

– Да почти уже нет. Прошли все оговоренные сроки. Мы уже собирались завтра отправиться в обратный путь. Ты все равно бы нас догнал. – И с напором повторил: – Но ты раздобыл Секундо?

И снова Феррун умолчал о камне, лишь укорив:

– Вот и ушли бы без меня, было бы гораздо быстрее. – И горделиво заявил: – Я за несколько минут на Агфе делаю столько миль, сколько вы пешком за день.

Решив, что камень так и остался в королевской сокровищнице, Сильвер огорчился, но решил о нем больше не спрашивать. Видимо, это была слишком болезненная для самолюбивого Ферруна тема.

На Агфе высился какой-то странный тюк, не считая привязанных по бокам мешков. Факелов в пещере горело только два, да и те в дальнем краю, видно было плохо, и Сильвер никак не мог рассмотреть, что же такое привез Феррун.

Тот протянул руки и осторожно снял тюк с седла. Тюк зашевелился, и озадаченный Сильвер подошел поближе, гадая, что же это может быть. Проснувшийся Эдмунд тоже подскочил, ухмыляясь во весь рот, радуясь возвращению того, кого они так долго ждали. Феррун сунул ему в руки уздечку и приказал:

– Поводи Агфе немного, пусть отдышится. Нам пришлось скакать на пределе сил. Да еще с двойной ношей. Мешки тоже сними, в них продукты. – И сердито скомандовал: – Амирель, очнись давай! Что ты квелая такая! Спала же вечером!

Тюк в его руках пошевелился и отделился от него. Сильвер удивился. Феррун вернулся не один? Странно. И кто же это с ним? Уж не та ли королевская амара, из-за которой и ругались роющие канавы мужики? Но для чего Феррун притащил ее сюда, к ним?

– Ты не один? – осторожно спросил, зная вспыльчивость и нетерпимость парня.

– Да уж, – неопределенно ответил тот. – Судьба наградила меня женошкой.

Выводивший неподалеку Агфе Эдмунд изумленно присвистнул, чуть было не разбудив остальных.

– Вот как? – Сильвер и не пытался скрыть своей крайней озадаченности. – И как это случилось?

– Очень просто. Мне пришлось, – сердито пояснил Феррун.

Это признание еще больше поразило Сильвера. Разве Ферруна можно заставить что-либо делать против его воли? Да как такое могло произойти? Тот нехотя пояснил, видя ошеломленные лица своих спутников:

– Амирель хотели сжечь на костре как ведьму, и, чтоб ее спасти, мне пришлось на ней жениться.

Сильвер вспомнил о старинном обычае, давно позабытом в Терминусе: можно спасти преступника от казни, взяв того в мужья, или, как в случае Ферруна, в жены. Неужто в Северстане еще сохранились такие дикие обычаи?

– А за что ее хотели казнить? – Эдмунд с брезгливостью посмотрел на закутанную с ног до головы фигуру. В его представлении нужно было совершить что-то невероятно непристойное, чтоб подвергнуться столь суровому наказанию.

– Понятия не имею, что она такого натворила, чтоб ее сочли ведьмой. Амирель, что ты сделала? – насмешливо повернулся он к жене. – Признавайся!

Девушка отрицательно качнула головой и сильнее закуталась в длинный плащ, надвинув еще глубже на лицо черный капюшон. Сильвер вглядывался в нее, но тусклый свет лишь обрисовывал контуры ее фигуры, не давая рассмотреть ни лицо, ни руки. Интересно, красива ли она? Хотя это глупый вопрос – если она и впрямь фаворитка короля, по-здешнему амара, то, конечно, должна быть настоящей красавицей.

– Пойдемте подальше от входа, к огню, – предложил он, не понимая, что его тревожит. Какое ему дело до чужой жены? Тем более жены Ферруна?

Конечно, дорога с ней будет труднее, от женщин всегда одно беспокойство, к тому же раз она считается колдуньей в Северстане, то, возможно, будет считаться ею же и в Терминусе, но это головная боль Ферруна, как ее мужа, а никак не его.

Они подошли к факелам, возле которых было устроено кострище.

– Дрова кончаются, – обыденно заметил Сильвер, зажигая огонь. – Мы не рисковали выходить наружу в последние дни. Внизу было слишком много народа.

– Правильно, – с неожиданной серьезностью одобрил его действия Феррун. – Я и надеялся на твоё благоразумие. Если б вас схватили, уйти отсюда было бы гораздо сложнее.

– Так что ты такое натворил, что тебя, да и нас заодно, ловила целая армия? – подначил его Сильвер, исподволь наблюдая за девушкой.

– Я – ничего, – Феррун поставил на огонь чайник с водой. – Если не считать женитьбу на Амирель.

– Так кто же она такая, что за ней гоняется сам король Северстана? – Сильвер решил показать, что тоже кое-что знает.

– Его официальная фаворитка. Он ее сделал маркизой, но это ей оказалось не по душе. – Феррун небрежно махнул рукой, показывая, что не придает этому никакого значения.

– Королевскую фаворитку хотели сжечь на костре? – недоуменно уточнил подслушивающий разговор Эдмунд. – Что за странные здесь нравы!

Девушка повернула голову к Сильверу, откинула с головы капюшон, и у него замерло сердце. Сжав кулаки до боли, чтоб не охнуть в полный голос, он мысленно застонал: это была красавица из его сегодняшнего сна! Но почему тогда она чужая жена?

Ее синие, точно такие же, как у Ферруна, глаза, всмотрелись в него, и она низко опустила голову, будто увидела что-то ужасное. Сильверу стало и горько, и досадно. В голове от волнения зашумело, но он спокойно произнес:

– Хорошо, что Феррун смог спасти вас, Амирель. Жаль, конечно, что он не нашел Секундо...

– Кто тебе это сказал? – Феррун вытянул из-под рубахи висевшую у него на шее цепочку. На ее конце горел синим светом крупный самоцвет. – Вот он!

– Это Секундо? – засомневался Сильвер. – Я думал, он меньше. Размер отверстия в короне наших королей где-то с половину этого камня. А он ведь всего второй по величине.

– Здесь Секундо с Тетриусом. Они срослись.

– С Тетриусом? Откуда он? Когда ты его нашел? – Сильвер протянул руку, желая потрогать камень, но тот угрожающе вспыхнул, и Сильвер предусмотрительно опустил руку, так его и не коснувшись. – Однако! Он не дает себя взять!

– Забавно, – протянул Феррун, погладив амулет, – о таком его свойстве я не знал. А Тетриус был у меня, просто я об этом и не подозревал. Но расскажи, как вы тут без меня?

Сильверу очень хотелось разузнать все подробнее, но расспрашивать его было бесполезно, Феррун отвечал только на те вопросы, на которые хотел. Пришлось сказать:

– Нормально, если не считать Алонсо. У него снова трудности. – Понизив голос, он тревожно поглядел на стоящего возле выхода понурившегося друга.

– Трудности? – негромко хохотнул Эдмунд. – У него-то никаких трудностей нет. Это у нас из-за него сплошная головная боль.

Феррун засунул камень обратно под рубаху и легкой поступью направился к Алонсо. Тот на него смотрел одновременно и с надеждой, и с подозрением.

– У тебя осталась сажа? – спросил, глядя на его пустые руки.

– Как выяснилось, лечу я сам и сажа мне не нужна.

Алонсо не поверил. Черная муть, гневной волной поднявшаяся изнутри, заволокла глаза и лишила разума.

– Врешь ты все! – зло выдохнул он. – Ты меня просто связать хочешь. Но я тебе не дам! – он выхватил кинжал и метнул его прямо в грудь Ферруну.

Тут же вспыхнул ослепительным синим огнем амулет, сверкнули и погасли глаза Ферруна. Кинжал, натолкнувшись на невидимую преграду, упал на каменистую поверхность, даже не зазвенев. Алонсо наклонился, протянул руку, желая поднять его, но тут же выпустил рукоять – пальцы обожгло раскаленное железо.

– Хм... – Феррун погладил камень. – Амирель, а тебя почему не защищал Секундо? Ты же носила его постоянно?

Она пожала плечами, все так же глядя в землю.

– Не знаю. Может быть, потому что он был один, без Тетриуса? – тихо предположила она, не желая даже вспоминать о подчинившем ее камне. – Или просто не считал нужным меня охранять.

– Похоже, силы Секундо с обретением Тетриуса увеличились невероятно. Интересно, на что же тогда был способен весь камень целиком? Эх, найти бы Примум и воссоздать Инкусс целиком! – мечтательно протянул Феррун, стремительно хватая Алонсо за грудки и прикладывая ему палец ко лбу.

Алонсо замер, закатив глаза и прерывисто дыша от боли, разрывающей легкие.

– Не могу ему помочь, слишком сильная отравка и въелась глубоко! Амирель, иди сюда! – Феррун сердито щелкнул Алонсо по лбу и приказал жене: – Давай попробуем вместе, может, у нас что-то получится? Мне одному с этим не справиться!

Она бесшумно подошла и положила руки на грудь Алонсо.

– У него разъедающая чернота внутри. Что с ним случилось? – мелодичный голос с приятным акцентом проникал прямо в душу Сильверу, оставляя в ней болезненную пустоту.

– Надыхался ядовитого крысиного смрада и отравился сам, – объяснил Сильвер, подошел и остановился подле нее, желая только одного – провести рукой по ее плечу, чтоб удостовериться, что она живой человек, а не фантом, созданный его воображением.

Амирель искоса взглянула на него и снова опустила веки.

– Держи больного, – сказала она мужу, – он не понимает, что творит. А я попробую выгнать из него этот ядовитый туман.

Феррун молча скрутил Алонсо, повернув лицом к выходу из пещеры.

– Я лучше встану к нему за спину, не хочу, чтоб яд пошел на меня. И ты тоже поберегись, Феррун. – Она взглянула на стоящего рядом с ней Сильвера и попросила: – Отойди и ты подальше. Не хочу потом лечить и тебя.

Сильвер послушно сделал несколько шагов назад. Амирель положила руки на спину Алонсо. По ее ладоням заструился зеленоватый огонь, ясно видимый в сумраке пещеры. Алонсо дернулся, выгнулся мучительной дугой, широко открыл рот и выдохнул черное, заметное даже в темноте, облачко. Оно продержалось несколько секунд, вися на одном месте, пока подувший ветерок не утянул его за собой.

– Светает, – Феррун отпустил Алонсо, и тот зашатался, глядя вокруг уже вполне осознанным взглядом. – Нам пора. Поднимай отряд, – властно приказал Феррун Сильверу. – Перекусим – и в путь!

Но тот обхватил друга за плечи, поддерживая, и спросил у него:

– Как ты, Алонсо?

Тот усмехнулся одной стороной рта точь-в-точь как прежде, до сражения с крысами.

– Прекрасно! Могу снова нормально дышать и вполне себя контролирую. Злобы, которая меня извела, больше внутри нет. Вот только есть хочу отчаянно.

Сильвер откинул назад светлые волосы и широко, с облегчением, улыбнулся.

– Это хорошо. Болея, ты есть почти не хотел. Недаром от тебя одни кости остались.

Алонсо подмигнул другу.

– Кости – ерунда. Отъемя. Но я должен попросить у тебя прощения за все отвратительные мерзости, учиненные мною за время моего помешательства. Я смутно помню, что творил, но и то, что помню, убивает меня.

– Не переживай, дружище! – Сильвер почувствовал себя неудобно. Прежде Алонсо никогда так выпренне не изъяснялся. – Все в порядке.

– Хватит миндальничать, – прервал их разговор недовольный промедлением Феррун. – Я есть хочу, да и пора уже в дорогу.

Сильвер повернулся к девушке и поклонился.

– Благодарю тебя за спасение моего лучшего друга. Он мне как брат.

– Ну что ты, Беллатор куда лучше меня! – хмыкнул растроганный Алонсо. – Он бы даже в минуты помрачения рассудка никогда не стал бы вести себя так безобразно, как я.

Феррун разъяренно повернулся на каблуках, взметнув за плечами черный плащ, и широкими шагами отправился к кострищу. Амирель посмотрела ему вслед, не зная, как поступить. Похоже, ей здесь не рады. Ладно Феррун – он и не скрывал своего к ней неприязненного отношения. Но почему только что вылеченный ею мужчина смотрит на нее с таким обидным подозрением?

А этот внимательно разглядывавший ее вежливый воин с манерами аристократа – точная копия нареченного из ее сна. Вот только не видно, какого цвета у него глаза, – уж слишком темно вокруг.

– Позволь мне сопроводить тебя к нашему походному столу. – Сильвер галантно подставил ей свой локоть. – Здесь темно и неровные камни под ногами. Будет лучше, если ты обернешься о мою руку.

Амирель послушно положила ладонь на сгиб его локтя. Чинно, будто на придворном обеде, они прошли мимо умывающихся у ручейка полуголых мужчин, с откровенным любопытством оборачивающихся в их сторону. Подойдя к кострищу, она растерянно остановилась, не зная, где бы ей присесть.

Феррун, выудив из привезенного мешка с продуктами большой каравай черного хлеба, объяснял удивленному Эдмунду:

– Это не еда для скота, как ты заявил, это обычный здешний хлеб. Я к нему уже привык. Пшеница здесь не растет, так что нормального хлеба нет. Но если не хочешь, можешь не есть, другим больше достанется.

Амирель хотела было сказать, что это вполне хороший и вкусный хлеб, но, оглянувшись вокруг, передумала. Чем меньше она будет открывать рот в этом сугубо мужском обществе, тем лучше.

Заметив ее озабоченность, Сильвер свернул один из валявшихся вокруг плащей в тугой рулон и предложил ей присаживаться. Она тихо поблагодарила его и села на приготовленное место, старательно прикрыв свой мужской наряд. Как эти чужестранцы отнесутся к тому, что она не в женском платье, она не знала.

Умывшиеся воины оделись и, устроившись вокруг, принялись пробовать диковинные продукты, привезенные Ферруном, обмениваясь нелестными мнениями об их непривычном вкусе.

Дождавшись, когда вокруг соберутся все члены отряда, Сильвер представил их девушке, дав каждому смешную, но точную оценку.

– А я предводитель этого бесшабашного отряда, Сильвер, – весело закончил он.

– Я Амирель, дочь крестьянина, – скромно представилась она, на что Феррун только хмыкнул, но ничего добавлять не стал.

Взяв кусок хлеба с ветчиной, Амирель то и дело нервозно оборачивалась к выходу из пещеры. Ей было беспокойно, чудились крики под горой, шум. Казалось, воины Торрена штурмуют ничем не защищенную пещеру. На месте терминцев она бы бежала сломя голову подальше отсюда. Но мужчины спокойно завтракали, с интересом поглядывая на нее, и не думали уходить.

– Почему вы медлите? – не выдержала она. – Вы не боитесь погони?

– Нет, – первым ответил ей Сильвер. – Взгляни вверх.

Она подняла голову. В пещере стало немного посветлее, но не настолько, чтоб можно было что-то различить в сером рассветном тумане.

– Там ловушка, – пояснил он, показав рукой на вход. – Как только мы соберемся, мы уберем сдерживающие ее веревки, и тот, кто сюда войдет первым, будет засыпан.

– Но это жестоко! – Амирель испугалась, что из-за нее пострадает еще кто-то. – Они же не виноваты, что Торрен приказал им меня схватить!

– Торрен – местный король. Неприятный тип, – пояснил Феррун, довольно похлопав себя по полному животу. – Вздумал отнять у меня жену. Не удалось, вот и бесится.

Воины, спавшие во время разговора Ферруна с Сильвером, дружно ахнули, уставившись на Амирель.

– Да, я женился, – с неудовольствием признал Феррун очевидную вещь. – И не напоминайте мне больше об этом! Меня это бесит!

Девушка сердито сверкнула глазами. Что за болтун! Вроде бы они с ним почти подружись – и вот все сначала! Она поджала губы, ничем больше не выдавая своего недовольства. Ей нужно набраться терпения. Феррун просто-напросто выхваляется перед Сильвером, глупый мальчишка! Что за дурацкое соревнование они тут устроили друг перед другом?! И это тогда, когда нужно быть сплоченными, чтобы просто выжить!

Новая еда если и не всем понравилась, то все равно была проглочена голодными мужчинами быстро, и даже Амирель ела с удовольствием, получив от заботливого Сильвера еще один кусок черного хлеба с беконом. Запив еду горячей водой со странным, но приятным вкусом, спросила, что это такое.

– Чай, просто чай, – пояснил Сильвер. – Единственное, что у нас осталось из взятых с собой припасов. Да еще соль, но тоже немного. Как я понимаю, чайные кусты здесь не растут, раз вы не знаете, что это такое?

Она отрицательно тряхнула головой, изнемогая от усталости, ведь ночью отдохнуть ей не удалось. К тому же после сытной еды отчаянно захотелось спать. Но после команды «уходим» она поднялась и, пошатываясь, снова завернулась в плащ, накинув на голову капюшон, и по привычке, выработанной годами затаивания, опустила голову, скрывая лицо.

Заметивший это Феррун недовольно велел:

– Не закрывайся, нам все равно, какого цвета у тебя глаза. В тоннеле и без того темно, ничего не увидишь.

Сильвер посмотрел на Амирель. Ему было непонятно ее стремление скрывать такое красивое лицо, но он лишь спросил у Ферруна:

– Ты пойдешь впереди, как обычно?

И услышал странный ответ:

– Впереди пойдет жена. Я пойду последним.

– Разве она не поедет на Агфе? – его распоряжение показалось Сильверу попросту диким. Их отряд возглавит слабая женщина? А если впереди будет опасность? Она что, сможет их защитить?

Феррун сделал неприятный жест, показывающий, как мало он ценит подобного предводителя, и снизошел до пояснения:

– На кобылке и без того будет много поклажи. Я вижу, припасов вы заготовили на целое войско, как бы тащили это без меня и моей Агфе?

Это было правдой, и Сильвер смутился. Они в самом деле рассчитывали на лошадь Ферруна, когда припасали мясо на обратную дорогу.

– И не беспокойся за Амирель, – насмешливо предупредил «любящий» муж, – она истинной королевской крови и гораздо выносливее тебя. К тому же ей подчиняются животные и птицы. – И со смешком добавил: – А вот рыбы с лягушками – нет, потому что она их терпеть не может.

Вконец изумленный Сильвер, так и не понявший, была ли это неумная шутка или Феррун, по своему обыкновению, искажил действительность, дал приказ выступать. Самые тяжелые выюки погрузили на Агфе, остальные мешки мужчины разобрали по себе. Амирель тоже подняла свой довольно-таки тяжелый мешок, но Сильвер его у нее тотчас забрал.

– Дорога тяжелая, идти придется долго, ты быстро устанешь. Я понесу.

– Но у тебя есть своя поклажа, – воспротивилась Амирель, с опаской поглядывая на Ферруна, не зная, как среагирует он на заботу о ней того, с кем состязается за власть в отряде.

Сильвер укоризненно покачал головой. Неверие слабой женщины в его силы задевало.

– Это не страшно. Я воин и привык к тяжести. А вот ты вряд ли долго пройдешь с такой ношей.

Амирель вынуждена была признать правоту его слов: мешок для нее и впрямь был слишком тяжел. Может быть, ей оставить половину? Взять только самое необходимое? Но что счи-

тать необходимым? Нахмурившись, она забрала мешок у Сильвера, быстро распустила завязки и выложила халат, запасные штаны, пару кофт, несколько теплых платьев, связала все в плотный узел и оставила в углу пещеры. С сомнением посмотрев на нижнее белье, решила взять все. Не потому, что столько ей было нужно, просто она не представляла себе, где его можно стирать и как потом сушить перед мужчинами.

Освободив мешок наполовину, взвесила его в руке и решила, что вполне может нести его сама. Но наблюдавший за ней исподтишка Сильвер снова забрал у нее поклажу и решительно закинул за плечо.

– Пойдем вперед, раз так приказал Феррун, хотя я бы поставил тебя для безопасности в середину. Но я давно убедился, что с ним лучше не спорить. Отчего-то он всегда оказывается прав. Да и просто не хочется лишних ссор. – О том, что рад такому приказу, ведь тогда он пойдет рядом с ней, Сильвер умолчал. К чему ей об этом знать?

Они прошли в начало их маленького отряда и довольно быстрым шагом двинулись вглубь тоннеля. Следом за ними шел Алонсо с Эдмундом, дальше попарно выстроились остальные воины. Оглянувшись, Амирель не увидела Ферруна.

– Где мой муж? – тихо спросила она, озабоченно хмуря брови.

Ее угнетали высокие черные стены тоннеля: они словно попали в глубокий склеп, откуда нет выхода. Ей уже довольно много приходилось ходить потайными подземными ходами, но ничего подобного до сей поры она не видела. Тоннель казался безграничным, потолка не было видно, под ногами была не земля, а твердое сплошное основание из неизвестного ей камня, глушившее все звуки, хотя подкованные сапоги мужчин, казалось бы, должны были брэнчать при ходьбе.

Сказанное ею слово «муж» подняло в душе Сильвера настоящую бурю. Какой муж? Разве Феррун достоин такой жены? Он нагнул голову, как молодой бычок, собравшийся бодаться с матерым бугаем, и злобно прохрипел непонятные ей слова.

– Извини меня, я что-то не так сказала? – испуганно отшатнулась от него Амирель. – Я плохо говорю на вашем языке, все мои знания взяты из книг, терминский язык в Северстане давно забыт.

Сильвер опомнился.

– Не обращай на меня внимания, – повернув к ней голову, он постарался улыбнуться, но затвердевшие губы не слушались. – Твой муж, – на этом слове он запнулся, но сумел-таки выговорить до конца: – убирает веревки, блокирующие вход от обрушения. – Амирель укоризненно покачала головой, она не одобряла подобных мер, и он поспешил ее заверить: – Если никто внутрь очертя голову не полезет, то ничего и не произойдет. Опытные воины наверняка сначала убедятся в безопасности пути, а уж потом пойдут дальше. Тебе не о чем беспокоиться.

Амирель сомневалась, что среди посланных ее поймать стражников есть опытные воины, но вспомнила главу тайного сыска и решила, что уж он-то ни в какие ловушки не попадет точно: сначала все досконально обследует и лишь потом пойдет. Вот только проверять он будет не лично, он же не дурак рисковать собой, для этого он пошлет своих подчиненных.

Глава вторая

Они несколько часов шли по холодным влажным камням. Дорога освещалась лишь призрачным светом, падавшим откуда-то сбоку. Амирель изрядно утомилась. Идти после бессонной ночи было тяжело. Колени у нее дрожали от напряжения, на пятки было больно ступать, в голове начался какой-то неприятный звон. Она уже хотела попросить о привале, чтоб хотя бы немного передохнуть, когда позади раздался какой-то шорох и тихая ругань.

Сильвер стремительно обернулся. Алонсо, шатаясь, застыл на месте, поддерживаемый Эдмундом.

– Прости, дружище, я переоценил твои силы! – с раскаянием вскрикнул Сильвер и командовал: – Привал!

Амирель тут же подошла к Алонсо и прикоснулась ладонью к его лбу, проверяя. Успокаивающе произнесла, глядя на встревоженного Сильвера:

– Он не болен, просто устал. Нам нужно передохнуть. Я тоже, увы, больше не могу стоять на ногах, – она не смогла сдержать болезненного вздоха.

Сильверу захотелось подхватить ее на руки, но оказывать вызывающие знаки внимания чужой жене было недостойно благородного мужчины. Он лишь скинул плащ, снова свернул его в тугую рулон и предложил ей.

Она неуклюже плюхнулась на него, чувствуя, как гудят натруженные ноги. А ведь она шла налегке! Что же тогда испытывают несущие тяжелую поклажу воины?

– Почему так быстро привал? – недоуменно поинтересовался у Сильвера сбросивший возле них мешок Теофил. Взглянул на устало уронившую голову на руки девушку и пробормотал: – А, понятно.

Алонсо расстелил плащ и лег на него, растянувшись во всю длину, но уже не ничком, как делал все последнее время, а на спину.

– У меня тоже нет сил, – признался со стыдом и сожалением. – Хотя голова и соображает, а вот ноги идти отказываются. Кстати, я должен попросить у вас всех прощения за свое мерзкое поведение.

Мужчины рассмеялись в ответ. То, что он пришел в себя, радовало всех.

– Да уж, чего ты только не творил! – воскликнул насмешник Эдмунд и принялся перечислять все его яростные вспышки так, будто это были мелкие проказы, совершенные лишь с одной целью – повеселить своих спутников.

Все хохотали, позабыв про Амирель. Она же сидела не двигаясь, думая лишь об одном – хватит ли у нее сил пройти в таком темпе до вечернего привала.

Передохнув, Сильвер дал команду продолжать путь. Они поднялись, и Амирель поняла, что не сможет пройти и десяти шагов – ноги от боли сводило судорогой. Как же изнежилась она, живя на всем готовом в королевском дворце! Да и раньше, у Мелисси в «Прыном ветре», она тоже почти не двигалась. И в итоге ее тело стало слабым и вялым как у перекормленного поросенка.

Все замечавший Феррун молча снял с Агфе один из навьюченных на нее мешков и взвалил на себя. Потом так же без слов подхватил жену и усадил боком на лошадь. Ворчливо буркнул:

– Держись за гриву, седлать для тебя Агфе я не стану.

Амирель благодарно закивала, радуясь, что он снова стал похож на того Ферруна, что много раз выручал ее из беды. Потом он подошел к Алонсо и положил ему руку на голову.

– Легче стало? – взгляделся в его усталые глаза и пообещал: – Продержись пару часов до привала. Тогда и отдохнешь получше. А это пока. – И протянул ему ломоть черного хлеба с толстым куском окорока.

Тот впился в него зубами с неистовством оголодавшего волка и пошел вперед уже уверенными шагами.

Амирель было стыдно сидеть на лошади, тогда как воины шли по тоннелю с тяжелыми мешками за плечами, но она понимала, что лишь задержит всех, если попытается идти пешком. Феррун, легко шедший позади Агфе, замыкал движение. Амирель видела огромный выюк у него на плечах и не понимала, как обычный человек может столько на себе тащить.

Ей был виден и Сильвер, идущий впереди и несший свои вещи и ее. Ей очень хотелось взять обратно свой мешок, но тогда ноша для Агфе будет слишком тяжела. Кобылка и без того недовольно поглядывала на нее, и девушке казалось, что та укоряет ее за леность. Но ведь это вовсе не так. Она бы с удовольствием шла рядом с Сильвером, но вот ее отвыкшее от движения тело не желало подчиняться своей хозяйке.

Своды пещеры становились все ниже, пол начал покато снижаться, в воздухе запахло чем-то непривычным, чуть солоноватым, но пахло вовсе не морем, а чем-то другим, похожим на свежевскопанную землю, и с каждым часом становилось все холоднее и холоднее.

Но вот Сильвер остановился, озабоченным взглядом осматривая свою маленькую колонну, и бросил:

– Привал!

Правда, Амирель показалось, что посмотрел он в первую очередь на нее, но в это время к ней подошел уже скинувший с себя мешки Феррун и протянул руки, снимая с лошади. Потом снял с Агфе всю поклажу и отпустил кобылку немного размяться.

Амирель подергала сначала одной ногой, потом другой. Немного затекли, но это не страшно, скоро отойдут. Все-таки сидеть боком, если лошадь идет спокойным шагом, намного удобнее, чем враскорячку, по-мужски.

К ней торопливо подошел Сильвер и спросил:

– Как ты? – На стоящего рядом Ферруна и внимания не обратил.

Тот этого не стерпел:

– С моей женой все в порядке. А вот ты займись лучше обедом, – холодным тоном приказал он, и Сильвер, скрипнув зубами, вынужден был отойти.

– Зачем ты так? – укоризненно шепнула Амирель Ферруну. – Он же не хотел ничего дурного.

В ответ Феррун так сверкнул глазами, в полумраке пещеры похожими на синие огни, что Амирель испуганно охнула. Да что это с ним? Неужели ревнует? Она хотела сказать, что он ведет себя попросту глупо, но прислушалась к гулкому эху, разносившему далеко вокруг любое, даже шепотом сказанное слово, и передумала что-либо говорить.

Воины быстро разложили на брошенном кем-то плаще немудреную еду и устроились вокруг, с аппетитом обедая. Сильвер молча подал Амирель кусок хлеба с ветчиной, она поблагодарила кивком головы и нежным взглядом, от которого у него дрогнула рука.

Чтоб скрыть смятение, он негромко сказал:

– Холодает. Скоро нам придется натягивать на уши те дурацкие шапки, что велел нам брать с собой наместник.

Его слова тут же разнеслись по пещере, повторяя то тихо, то громко: «наместник, наместник, наместник...»

Амирель вздрогнула. Ей не нравился этот таинственный шум. Он сулил какие-то неожиданные препятствия. Она взглянула на Ферруна, тот тоже напряженно прислушивался к пещерному эху.

– Мне это не нравится, – четко сказал он, и искаженный голос тут же повторил: «не нравится, не нравится, не нравится...»

– Здесь никому не нравится, – заверил его Эдмунд, впиваясь зубами в кусок мяса. – Это тебе не прогулка под луной с красивой девушкой, – и нахально подмигнул Амирель.

Она испуганно подумала, что Феррун возмутится и затеет глупую разборку, но тот думал о другом.

– Я не знаю, где мне идти, – сердито бросил он. – То ли впереди, то ли позади. Чувство такое, что опасность ждет со всех сторон.

– Но мы же спокойно прошли в Северстан, – возразил ему Сильвер, – правда, пришлось много копать. Но копать – это не сражаться.

– Да, но с нами была еще почти сотня корежан, – Феррун резко встал и стремительно метнулся к стене. Не дойдя до нее, остановился, пнул попавший под ноги камень и вернулся на свое место рядом с женой.

– Что случилось? – спросил его Сильвер. – Ты что-то видел?

Поскольку из всего отряда только Феррун прекрасно видел в темноте, все остальные насторожились.

– Я не понял, что это было. Что-то мелькнуло и пропало. А что, я не разглядел, – хмуро признался Феррун и взял ломоть черного хлеба. Съел его и спросил у Сильвера: – Как думаешь вести отряд? Эта тварь движется очень быстро. И, мне кажется, она опасна. Что-то такое витает в воздухе, не чувствуешь?

Тот кивнул и призадумался. По мере спуска в пещере становилось все темнее и темнее. Скоро им понадобятся факелы, и тот, кто пойдет впереди, должен будет идти крайне осторожно, чтоб не подвергнуться атаке неизвестной твари. Так же должен вести себя и последний. Да и те, кто находится посредине, вполне могут стать объектом нападения. Возможно, опасность и эфемерная, но он знал, что никакими способами защиты пренебрегать не следует. К тому же он не помнил случая, чтоб Феррун ошибся.

– Я, как обычно, пойду впереди. Как ты думаешь, эта тварь боится света?

Феррун встал во весь рост и кинул вперед камешек. Все прислушались, но ничего, кроме далекого удара камня об пол, не услышали.

– Насчет света не знаю. Но шума она не боится точно.

– Тогда лучше зажечь факелы и вынуть из ножен мечи. – Торопливо отцепив кинжал от пояса, Сильвер протянул его Ферруну. – Возьми, я совсем о нем забыл.

Все посмотрели на камень в рукоятке, переливающийся едва видимыми нежно-зелеными огоньками.

– Странный какой цвет, – с сомнением сказал Феррун. – Угрозы от него нет. Как ты считаешь, Амирель?

Она провела рукой над кинжалом и согласилась:

– Это не угроза. Предупреждение, но о чем? И почему нам так неуютно?

– Может быть, это просто на нас, на обычных людей, действует пещера? Мы же глубоко под землей, – предположил Эдмунд, меряя взглядом уходящую вниз дорогу. – И для чего, интересно, ее проложили так глубоко?

– Прошли там, где камень легче поддавался обработке? По мягким породам? Или от одной естественной пещеры до другой? – предположил Сильвер. – Иначе в этом нет никакого смысла. Пробиваться на такую глубину себе дороже.

– На меня глубина не действует, – Феррун посмотрел наверх, потом поднял камешек и подкинул его вверх. Раздался легкий стук, и камень упал обратно. Все вздрогнули от неожиданности, а Феррун продолжил: – Сюда я шел спокойно, но вот теперь ощущаю что-то нехорошее. Еще бы понять, что это. Какая-то тварь упорно следует за нами, но вот для чего?

– Я могу пойти впереди, – робко предложила Амирель, надеясь, что этого ей не позволят.

Мужчины дружно зароптали, прекослова, но Феррун, не слушая их возражений, поддержал ее решение:

– Иди. Это лучше всего. Если что, ты с этой тварью всегда сможешь договориться. А это тебе на всякий случай.

Он снял с себя амулет и повесил на грудь девушки.

– Но ты же останешься без защиты! – попыталась воспротивиться она, боясь больше за себя, чем за него. Колдовской камень ее по-прежнему страшил.

– Глупости! – Феррун поправил висевший на нем меч и передвинул поудобнее лук с колчаном. – У меня есть оружие, и я далеко не слабак. – Отодвинув от себя протягиваемый Сильвером кинжал, приказал: – Оставь его себе, Сильвер. По крайней мере, о серьезной беде он тебя предупредит. Мне он не нужен. Я и так чувствую опасность.

Тот поблагодарил его и послушно прицепил кинжал обратно к поясу, радуясь про себя. Такой подарок дорогого стоит.

– Мне не нравится, что единственная среди нас женщина пойдет впереди, как сильный воин, – он остановил взгляд на маленькой ножке, выставившейся из-под плаща Амирель. – Я считаю, что ее надо поставить в середину и охранять.

– Эта маленькая слабая женщина может подчинить себе любого из вас, а с помощью амулета и всех сразу, – со смешком предупредил его Феррун. – Не забывай, что в Северстане она считалась колдуньей. И это в самом деле так.

Закаленные в боях воины с опаской отшатнулись от Амирель. Она успокаивающе проговорила:

– Феррун преувеличивает. Я вовсе не колдунья. Просто во мне течет истинная королевская кровь, только и всего.

– Только и всего? – Теофил недоуменно поднял брови и пошутил: – И за это у вас жгут на кострах как преступников?

Ответ оказался неожиданным:

– Да. Всех, у кого синие глаза, уничтожают.

– Почему? – это был единодушный вопль всех членов отряда.

– Чтоб они не вздумали претендовать на королевский трон, – хохотнул Феррун. – Это законы у них такие. Каждый, у кого синие глаза, может потребовать себе трон. А королям это не по нраву, вот они и защищаются как могут.

Амирель пришлось рассказать, отчего так получилось. Закончила она печальным:

– Поэтому мне и пришлось просидеть дома, скрываясь ото всех, столько лет.

На нее посыпались вопросы, все хотели знать что-нибудь еще о столь странной стране и ее королях, но Феррун властно приказал:

– Хватит! Отдохнули, пора в путь.

Увлечшийся разговором Сильвер нехотя встал и подтвердил:

– Пошли!

Мужчины снова взвалили на себя мешки, выюки взгромоздили на не слишком довольную этим Агфе. Амирель отказалась ехать на ней, заверив, что вполне достаточно отдохнула. Выполняя приказание мужа, пошла первой вместе с Сильвером, по его просьбе держась левой стороны. Он страшился за нее, вовсе не успокоенный словами Ферруна о ее необычных способностях. Стремясь защитить девушку в случае внезапного нападения, Сильвер обнажил меч и держал его в правой руке.

Замыкал их строй готовый к нападению Феррун, тоже с мечом наголо.

Впрочем, мечи обнажили все воины. К удивлению Амирель, мечи светились, не так ярко, как факелы, но все-таки при их страшноватом стальном свете можно было различить путь, по которому шел отряд.

И хотя кинжал не предупреждал об опасности, но все-таки тоже зеленовато мерцал, и это было странно. Амирель пыталась что-то различить во все сильнее окутывающей их тьме, но ничего не видела и не понимала, почему же они не зажигают факелов.

Спросила об этом Сильвера и услышала:

– У нас есть факелы, но их мало, и масла для них тоже мало. Дорога долгая, нужно беречь все, что может гореть. Корежане оставили нам в схронах овес для Агфе и немного дров для приготовления пищи, но до них еще далеко.

Амирель пожалела, что не догадалась взять с собой обычное сливочное или хотя бы подсолнечное масло. Если пропитать им ветошь, то гореть она будет долго. Но откуда ей было знать, что может понадобиться на такой страшной и трудной дороге? Феррун ни о чем таком ей не говорил, но это и понятно – он прекрасно видел в темноте и свет факелов ему только мешал.

Они шли вперед, внимательно всматриваясь во тьму перед собой и вслушиваясь в обманчивую тишину. Звуки разносились по гулкой пещере далеко, и Сильвер хранил молчание, не желая, чтоб его сотоварищи знали, о чем они говорят с Амирель; все остальные молчали тоже, не желая привлечь внимание следящей за ними твари.

Чем ниже они спускались, тем холоднее становилось. Амирель чувствовала, как ее ноги в удобных, но слишком легких для холода башмаках начинают замерзать. Она вспомнила, что с собой у нее есть плотные вязаные носки, но вот когда она сможет их надеть?

– Становится прохладно, – Сильвер выдохнул изо рта белесое облачко. – Хотя здесь и не так холодно, как сверху, на горе, но все равно скоро придется надевать те смешные шапки, что для нас приказал изготовить мой отец.

Проследив за паром, в который превращалось ее дыхание, Амирель зябко поежилась. На первом же привале она натянет на себя все теплое, что есть в ее мешке. И почему она не подумала об этом раньше?! Ведь ясно было, что будет только холоднее. Покосившись на мужчину, идущего рядом с ней и улыбающегося ей открытой ласковой улыбкой, тихо вздохнула. Вот и причина ее необычной рассеянности. Но в этом не стоит признаваться никому, даже самой себе.

Привал объявили только через несколько часов, когда она уже готова была признаться, что больше не в силах сделать замерзшими ногами ни шагу. Остановились они возле поленницы дров, лежащей у небольшого озерца и закрытого ящика рядом. Сильвер пояснил, что это схрон, оставленный для них корежанами.

Мужчины привычно разожгли огонь, и Амирель, устроившись возле самого костра и протянув ноги к огню, быстро согрелась. Потом взяла свой мешок и отошла немного в сторонку – надеть теплые вещи.

Далеко идти побоялась, да и все равно в темноте ее никто бы не разглядел, кроме Ферруна, а тот видел ее любой. Быстро надела все теплое белье, что у нее с собой было, натянула вязаные носки, на голову шапку из тех, в которых в деревнях ходили зимой женщины, и вернулась к костру.

Мужчины уже разогрели взятую с собой еду и отчего-то с вождением посматривали на озеро, зеркальная гладь которого нарушалась выходящими со дна пузырьками воздуха.

– Можете половить рыбки, – разрешил Сильвер и сказал Амирель: – Здесь рыба странная на вид, но очень вкусная. Мякоть у нее нежная и сладковатая, во рту просто тает.

Двое из их отряда, Теофил и Родриго, взяли крючки на веревках, нацепили на них кусочки вяленой оленины, подошли к кромке озера и забросили крючки в воду. Сначала ничего не происходило, но через несколько минут обе веревки дернулись, и воины вытащили на берег свою добычу – огромных безглазых рыб со странной белой чешуей.

Амирель думала, что готовить рыбу придется ей, но беспокоить ее не стали, давая передохнуть. Мужчины сами обмазали рыбу белой глиной, собранной с берегов озера, и запекли на углях догорающего костра. Сильвер принес Амирель уже готовый кусочек рыбины. Осторожно попробовав ее, она убедилась, что рыба действительно очень вкусная, мягкая, почти без костей, но вот только слишком пресная. Вспомнив, что Сильвер жаловался на недостаток соли, поняла, что ее попросту сэкономили.

Спать все улеглись на расстеленных вплотную меховых плащах, укрылись ими же. Вокруг ночлега воины воткнули мечи, освещавшие их общее ложе. Амирель, краснея под направленными на нее мужскими взглядами, была вынуждена устроиться рядом с Ферруном, по-хозяйски обнявшим ее за талию и укрывшим еще одним меховым плащом.

Улегшийся с другого конца Сильвер посмотрел на нее с такой горькой обидой, будто она ему изменяла.

Это было несправедливо и очень обидно. Она прижалась спиной к Ферруну, неосознанно ища тепла и поддержки. Они уже не раз спали так вместе в своих скитаниях по Северстану, но на сей раз среди окружавших их мужчин это казалось крайне неприличным. Амирель закуталась в укрывающий их плащ, спасаясь не от холода, а от насмешливых, все понимающих глаз.

Она думала, что от стыда не сможет спать, но мускулы подрагивали от перенапряжения, усталость была такой непреодолимой, что, едва коснувшись головой плеча Ферруна, Амирель уснула, забыв, где она и что с ней.

Проснулась от холода. Попыталась посильнее закутаться в плащ, но это не помогло.

– Не буди ее, пусть поспит хоть немного. Она и так невероятно вынослива по сравнению с нашими изнеженными женщинами.

Сильвер! Это его голос. Нужно было подняться и сказать, что она уже не спит, но любопытство заставило ее замереть в ожидании ответа Ферруна. Хотя что хорошего он о ней может сказать? Ничего. И он не обманул ее ожиданий.

– Прямо! Она капризная и слабая. Если все особы королевской крови такие, то не завидую я их подданным.

Амирель медленно села на импровизированном ложе и сердито ответила хрипловатым со сна голоском:

– Тебе бы только гадости говорить, Феррун, какой ты все же пакостный! Интересно, ты обо всех так говоришь или только обо мне?

Воины замерли, ожидая вспышки негодования своего самого сильного и непредсказуемого соратника. Сильвер даже подвинулся к девушке поближе, желая защитить.

Но Феррун лишь хмыкнул, молча признавая ее правоту, и сказал почти благодушно:

– Проснулась? Вставай. Ешь быстрее, мы скоро выступаем. – Посмотрев вперед, в полную тьму, спросил: – Ничего не чувствуешь?

Амирель медленно поднялась. Ей очень хотелось потянуться во весь рост, распрямляя затекшие мышцы, но она не посмела этого сделать, уж очень провокационными получились бы ее движения. Мужчины, все как один, смотрели на нее, ожидая ответа. Она прислушалась.

– Вроде ничего, – пожалала плечами. – Ты беспокоишься? Что-то случилось?

Сильвер показал ей кинжал. Камень в рукояти снова светился непривычным зеленым светом, на этот раз несколько ярче, чем накануне.

– Я никогда не видел ничего подобного. Опасность близкая – красный, предупреждение – скорее розовый, это я видел много раз, но такого... – он растерянно посмотрел вокруг.

– Такое чувство, будто кто-то просит помощи, – Амирель нагнулась, собирая плащи. – Ничего другого на ум не приходит.

– В самом деле, когда мы лечим людей, видны зеленые искры, – Феррун звонко прищелкнул пальцами. – Но кто тут может нуждаться в нашей помощи? Людей здесь уж точно нет, да и животные здесь жить не могут. Не рыбы же в озерах?

Мужчины принялись строить предположения, одно нелепее другого. Под их шутки Амирель быстро перекусила и снова встала впереди отряда вместе с Сильвером. На воинах были надеты меховые шапки, похожие на те, что носили в ее деревне зимой и мужчины, и женщины. Но воины посмеивались друг над другом, выворачивая шапки то так, то этак.

На этот раз они шли по песку, глушившему все звуки. Сильвер рассказал ей, что каждая из пещер на их пути обладает своими свойствами: то глушит все разговоры, как эта, по которой они идут сейчас, и, даже разговаривая в полный голос, трудно расслышать, что говорится рядом; или, как та, которую они миновали вчера, разносит далеко вокруг самый тихий шепот. А есть и такие, в которых светятся стены и высятся белоснежные колонны, как в бальном зале роскошного дворца. И все это она скоро увидит своими глазами.

Они двинулись по огромным подземным залам. Сверкающие инеем стены и ледяные глыбы, растущие то сверху, то снизу, служили странным украшением. Чем ниже спускался маленький отряд, тем выше и толще становились гигантские сосульки, сраставшиеся в белоснежные столпы, искрящиеся от неверного голубоватого света, отбрасываемого мечами.

От висевшего на шее Амирель амулета шел неприятный жар, тревоживший ее не на шутку. Она хорошо помнила то время, когда под влиянием Секундо творила непотребные дела, за которые ей было стыдно до сих пор. Перед двойным камнем с непомерно возросшей силой она и вовсе беззащитна как новорожденный младенец. Вдруг он заставит ее сделать что-то такое, от чего она будет страдать всю свою жизнь?

На очередном привале Сильвер сказал, что пришло время зажигать факелы: естественного света больше нет, от мечей проку мало. Феррун, сидевший рядом с женой, поморщился, но промолчал. Амирель, потеряв цепочку, на которой висел возрожденный камень, тихо попросила:

– Возьми его себе. Я его боюсь. Мне с ним очень тревожно.

– Зато мне спокойно! – отрубил Феррун. – При внезапном нападении я не успею перепрыгнуть к тебе, а он тебя защитит. И вообще – сражаться на два фронта глупо, когда этого можно избежать!

Амирель пришлось смириться.

Зажгли факелы, убрав мечи в ножны. Факелов было всего три, по одному у каждой пары воинов, но все равно они светили куда ярче, чем мечи. Да и свет был настоящий, живой, с ним было куда веселее. В конце колонны факела не было из-за возмущенного Ферруна, заявившего, что огонь его слепит и он ничего не видит дальше собственного носа.

Отряд быстрым шагом шел по огромной пещере, ближе к ее правой стороне. На уходящей высоко вверх стене от переливов огня играли разноцветные всполохи.

– Как красиво! – невольно вырвалось у Амирель, любующейся этим волшебством.

– Да, красиво, – согласился с ней Сильвер, глядя на нее.

Девушке показалось, что говорит он вовсе не о пещере, а о ней самой, и она невольно зарумянилась, отведя взор. Под их шагами мелкий песок, припорошенный инеем, тихо похрустывал, будто шепча о чем-то своем, сокровенном.

– Когда мы шли сюда, то не обращали внимания на то, что делается вокруг. Мы спешили в Северстан за Секундо. А теперь идем обратно, осуществив все свои замыслы, но в моей душе радости нет, – негромко признался Сильвер.

– Почему? – Амирель с недоумением повернулась к нему. – Вы чувствуете, что все было сделано напрасно и камень не поможет?

– Этого я не знаю. Но вот то, что ты жена другого, меня убивает. – Кривая усмешка исказила его красивое лицо. – Похоже, это мне воздаяние за мое легкомысленное отношение к женщинам.

Амирель стыдливо опустила глаза. Эти слова были похожи на признание в любви. Может быть, Сильвер и есть тот ее суженый из далекого сна? Факел, что он нес в руке, не давал разглядеть цвет его глаз, но сердце уже четко признало его своим. Она не знала, как поступить. По обычаю ее страны она мужняя жена, но Феррун говорил, что разведется с ней в Терминусе. Но вот только нужна ли будет Сильверу разведенная женщина? На ее родине разводы не допускались, и как это происходило в Терминусе, она не знала.

Да и не хочет она быть предательницей по отношению к Ферруну. Он столько раз спасал ее от верной смерти, что она должна быть благодарна ему вовек. Вот если он сдержит свое обещание и в самом деле с ней разведется, тогда она и будет думать, как жить дальше. А сама никаких действий для этого предпринимать не будет.

– Вы так похожи с Ферруном, будто брат с сестрой, – после небольшого перерыва сказал Сильвер, глядя строго перед собой. – В вас явно течет одна кровь.

– Это невозможно, – с затаенным вздохом опровергла его слова Амирель. – Мы даже родились в разных странах. То, что мы похожи, просто игра природы.

– Так не бывает, – упрямо возразил Сильвер. – В последнее время я уверовал, что все взаимосвязано. Мы многого не понимаем, да и попросту не знаем.

Амирель хотела возразить, но ее пронзило ощущение опасности. И камень в кинжале Сильвера загорелся ярким зеленым светом, перемежаемым угрожающим красным.

Сильвер моментально передал факел Амирель и выхватил меч. Тот тоже переливался ярко-синими сполохами. Весь ряд воинов тут же оцетинился мечами. Сильвер хотел было задвинуть Амирель к себе за спину, но она не дала.

– На мне волшебный камень. Он в любом случае не даст меня в обиду, – с хмурым смешком заверила она воина и, сделав шаг вперед, предупредила: – Сейчас я позову того, кто преградил нам дорогу. Прошу вас, не спешите на него нападать, возможно, ничего страшного и нет.

Протянув руку, она звучно произнесла на своем языке:

– Кто ты? Покажись!

Из темноты на освещенное место медленно вышел огромный медведь. Амирель ахнула: таких огромных она еще никогда не видывала. С ней рядом в мгновение ока очутился Феррун с мечом наголо.

– Вот это страшилище! Кто это? – раздался крики сзади.

Амирель не чувствовала угрозы, исходящей от зверя, и успокаивающе сказала:

– У нас таких не водится, но в старинных книгах я видела изображение пещерного медведя. Наверное, это он. Убери меч, Феррун, ты его пугаешь. И отойди. Я хочу выяснить, что он от нас хочет.

Чудище в самом деле замотало головой и повернулось, намереваясь удрать. Но из глубины пещеры раздался жалобное урчание, и медведь остановился, обреченно опустив голову.

– Кто там у тебя? – сочувственно спросила Амирель. – Ему нужна моя помощь?

Медведь повернулся к ней и жалобно посмотрел на нее маленькими, полускрытыми кудлатой шерстью глазками.

Она вздохнула.

– Хорошо, веди его сюда. Я помогу, если смогу.

Зверь замотал головой и сделал шаг в сторону странных мяукающих звуков, оглядываясь и как бы зовя девушку за собой. Феррун сердито приказал:

– Не ходи туда, мне все это не нравится!

Но Амирель уже остро чувствовала чью-то боль и безнадежное горе огромного зверя. Подняв факел повыше, решительно пошла на зов медведя. Выругавшись, Феррун направился за ней, приказав всем остальным оставаться на месте.

В углу пещеры лежал такой же огромный мохнатый зверь. Жалобно вздыхая, рядом с ним сидели два маленьких медвежонка, еще сосунки. При приближении людей они немного отбежали, жалобно попискивая.

– Это медведица! – Амирель подошла поближе и ахнула – та была вся в крови. – Похоже, она сильно ранена!

Феррун сердито притопнул ногой.

– Вот только зверюг разных я еще не лечил!

– Это пещерный медведь, Феррун! Как ты не понимаешь! А вдруг они уже последние на земле? – Амирель не понимала, как можно пройти мимо страдающего существа.

– И что? – парень небрежно отмахнулся. – Пусть хоть их и совсем не будет, мне-то что? Мне они вовсе не нужны.

– Ну и уходи тогда, не мешай мне! – сердито приказала ему девушка. – На мне камень, силы вылечить ее у меня хватит.

Медведица глухо застонала, из последних сил приподняв голову. Медведь ласково лизнул ее в нос и уставился на людей с безмолвной мольбой. Амирель оглянулась, гадая, куда же воткнуть факел, чтоб освободить руки. К ее удивлению, его взял Феррун и скомандовал:

– Давай поскорей, ты всех задерживаешь!

Она торопливо присела перед медведицей и положила руку на мохнатый лоб. Та уронила голову и закрыла глаза. По рукам Амирель пошел яркий зеленый огонь, осветивший всю огромную тушу медведицы.

– У нее какое-то внутреннее повреждение и сломана лапа. Похоже, она сорвалась с большой высоты. – Амирель напряглась, мысленно сращивая сломанную кость.

Раздался неприятный хруст, медведица застонала, и медведь ринулся на целительницу, уверенный, что в этом ее вина. И тут же отлетел под ударом Ферруна.

– А сейчас в благодарность он тебя сожрет! – Феррун развеселился.

– Не мешай мне! – строго сказала Амирель медведю, тот сел на землю и стал обреченно раскачиваться из стороны в сторону. Медвежата уткнулись в него, жалобно поскуливая.

– Они голодные, – с сочувствием посмотрела на них девушка. – Видимо, у матери от боли пропало молоко, а есть что-то другое они еще не умеют.

Она снова сосредоточилась, и шкура медведицы засверкала зеленым светом.

– Не могу понять, что это?

Феррун нехотя наклонился над ней и положил свою руку на ее.

– Разорвана селезенка. Но залечить можно. – И, брезгливо сморщив нос, он усилил поток, идущий от Амирель. – Так, вроде все. И пошли уже! Сколько можно тут копать!

Но она, не слушая его, потянулась к соскам медведицы, восстанавливая молочные железы.

– Вот теперь в самом деле все нормально, – Амирель с удовольствием оглядела осторожно приподнявшуюся медведицу. – Повреждения я залечила, она здорова, но сильно исхудала. – И обратилась к медведю, уверенная, что тот ее понимает: – Ее надо кормить, очень хорошо кормить! – и представила, как тот приносит медведице рыбу, выловленную в озере.

Медведь поднялся, ткнулся мордой в медведицу и, утробно зарывчав, отошел немного в сторону. Вернулся он уже с рыбой, видимо, пойманной заранее. Голодная медведица вцепилась в тушку, а медвежата принялись сосать мать, захлебываясь от голодного нетерпения и всхрапывая.

Амирель еще с минуту постояла рядом, с удовлетворением наблюдая эту благостную картину. Отрывая ее от созерцания спасенного семейства, Феррун взял жену за руку и быстро повлек к ожидающим их воинам. Приблизившись, сообщил, что лечение прошло успешно и что медвежья семья выжила благодаря стараниям Амирель.

Теофил насмешливо поздравил девушку:

– Теперь тебя можно называть медвежьей крестной?

Эдмонд же был настроен менее радостно:

– Теперь я понимаю, отчего тебя хотели сжечь на костре. Если ты можешь управлять животными и птицами, то понятно, что ты колдунья.

Разозленная этими глупыми нападками, Амирель зловеще сказала:

– Мне не только животные и птицы повинуются. Люди тоже. Точно так же, как королеве Северстана, вашей принцессе Люсии.

Эдмонд, не веривший в подначки Ферруна, побледнел и смешно выпучил глаза.

– Что? Наша принцесса могла управлять животными? И людьми? И ты тоже? Это правда?

Кивнув, Амирель добавила:

– Именно поэтому Торрен и хотел сделать меня своей фавориткой, чтоб с моей помощью править страной. И я, увы, изрядно ему в этом помогла.

– Чем же? – тут уже встревожился и Сильвер.

Амирель вздохнула и нехотя призналась:

– Я заставила аристократов принести ему смертельную клятву. И теперь тот, кто выступит против короля, сгорит на месте. Единственное мое оправдание – я сделала это под воздействием Секундо. Я не могла им управлять, он подчинил меня.

– Она очень опасная особа! – со смешком подтвердил ее слова Феррун. Как всегда, это получилось у него на редкость издевательски. – Ее нужно опасаться и остерегаться. И вообще держаться от нее подальше.

Амирель вспыхнула и резко повернулась к мужу, намереваясь ответить на надоевшие ей насмешки. Чтоб не допустить ссоры между супругами, Сильвер велел трогаться. Воины встре-пенулись и выстроились в привычную шеренгу. Но Амирель не собиралась спускать Ферруну его издевки. Расправив плечи, она подступила к Ферруну, не обращая внимания на его глаза, сердито сощуренные от факела, что она держала в руке. Обеспокоенный Сильвер встал рядом, готовый вмешаться в любую минуту.

– Ты просто невоспитанный мальчишка! – сердито выпалила она, тыча в мужа пальцем. – Очень жаль, что ты не подчиняешься моим приказам! Уж я бы заставила тебя постоять в углу на коленях! И лучше всего на горохе!

Все рассмеялись. Феррун заслонился от яркого света ладонью, укоризненно поднял глаза вверх и пожаловался:

– Вот за что мне такая жена досталась? Наказание одно! Все-то ей неладно!

Напряжение, вызванное откровениями Амирель, от этих слов спало, и отряд двинулся вперед, весело пересмеиваясь. Издали донесся благодарственный рык медведей, и внимание переключилось на них.

– Не похоже, чтоб они жили здесь, глаза у зверя нормальные, он не слепой, как был бы, если б постоянно жил в темноте. Они явно спустились с поверхности. Может, как-то учуяли, что ты можешь им помочь? – Сильвер напряженно всматривался в ту сторону, откуда раздался рык. – Или медведица блуждала по скале наверху и провалилась вниз, сюда, переломав при этом кости, а к ней уже спустился и медведь с медвежатами?

– Не знаю, – Амирель виновато склонила голову. – Трудно сказать. Я могу приказывать зверям, но их не понимаю. Сами же они даже жестами показать не могут, что им нужно. Приходится догадываться.

– Тебе часто приходилось лечить людей? – Сильвер забрал у нее брызжущий искрами факел и понес его сам.

– Не очень. Мне же приходилось постоянно скрываться. Я, по сути, видела жизнь только в щель забора.

– Это из-за текущей в тебе королевской крови? – Он не понимал, как подобный дар небес можно было губить. Странные порядки царят в Северстане. Вот если б он был королем, он бы использовал его для блага всех своих подданных.

– Да. Поэтому-то я очень рада уйти в Терминус. Надеюсь, там я буду как все.

– Ты никогда не будешь как все. Хотя, – тут Сильвер озадаченно потер лоб, – если ты королевской крови, то вполне можешь претендовать на наш престол, ты же потомок наших королей.

– Ну уж нет, – решительно отказалась Амирель от столь сомнительной чести. – Феррун рассказал мне, что для этого нужно сделать. Даже если б мне и пришла в голову дурацкая блажь стать королевой, чего я вовсе не хочу, на ваш трон я садиться не стану!

– Ты не хочешь быть королевой? – задумчиво спросил он.

– Конечно, нет. Если б хотела, вполне могла бы ей стать в Северстане. Но я хочу быть обычным человеком. Власть и ответственность не для меня. Они меня тяготят.

Он с уважением глянул на нее.

– Да, власть всегда сопряжена с ответственностью. И чем больше власть, тем сильнее ответственность. Ничего в этом хорошего нет. Но не все это понимают. Для многих королевская власть означает роскошь и поклонение.

– Я это знаю, у меня был очень хороший наставник, – Амирель печально вздохнула, вспомнив учителя. – Но расскажи мне, как вы смогли пробиться сюда. Ведь тоннель был завален несколько веков назад во время землетрясения.

К ее удивлению, Сильвер весело рассмеялся.

– Знаешь, это забавно, но нам помог тот, от кого мы помощи вовсе не ждали. Когда мы прошли через замерзшее болото, причем шли мы без Ферруна, он догнал нас только через два месяца, мы наткнулись на поселение в изножье огромных гор. На нашей карте они назывались Северными и отделяли нас от Северстана.

Амирель добавила:

– У нас они называются Южными, и да, отрезают Северстан от остального мира.

Сильвер кивнул, принимая ее слова к сведению, и продолжил:

– Так вот, в этом поселении, где жили главным образом корежане – охотники и собиратели даров леса, мы встретили приверженца графа Контрарио, барона Оттавио. Он был зачарован графом и послан им на север в надежде раздобыть Секундо. Пару лет назад барону со своими людьми удалось перебраться через болото и дойти до Северных гор, но идти дальше он оказался не готов. Остался там, надеясь рано или поздно выполнить задание своего сюзерена. А тут подошли мы.

Шедшие следом за Сильвером Теофил с Алонсо переглянулись и дружно хохотнули. Сильвер пояснил:

– Встреча вышла уж больно веселая. Пока он там обитал, умудрился жениться на дочери тамошнего предводителя или вождя, не знаю точно, как он называется, а та его дальше в горы просто не пустила. К тому же благодаря женитьбе он стал помощником вождя и с удовольствием правил маленьким народом. А поскольку его люди тоже рот зря не разевали, то и они все оказались женатыми.

– А когда мы появились, нас встретили как настоящих конкурентов, – слушающий разговор Теофил откровенно расхохотался. – Дело в том, что женщин там и так мало, а тут еще чужеземцы подваливают и самок отбивают.

Сильвер покосился на спутницу и исправил речь своего воина:

– Женщины там симпатичные, вот барон и не погнушался простолюдинкой.

– Сильвер, ты о чем? – Теофил не сообразил, что начальник просто не хочет называть вещи своими именами, щадя уши своей спутницы. – Оттавио был уверен, что побалуется с ней, времечко проведет, чтоб быстрее шло, а потом сделает ей ручкой и уйдет. Он же по нашим законам вовсе даже и не женат.

Сильвер волком посмотрел на Теофила, и тот сообразил наконец, что ляпнул что-то не то.

– К вам это не относится, госпожа Амирель, – конфузливо принялся он оправдываться. – Ваша вера близка к нашей, поэтому ваш брак вполне законен. Это в том племени сплошные язычники...

– Это совершенно неважно, – остановила его причитания девушка. – Что было дальше?

Сильвер исподтишка погрозил Теофилу кулаком и продолжил:

– В общем, встретили они нас с оружием. И не сказать, чтоб оно было для нас опасным: палицы да копья нам не страшны, у нас заговоренные мечи, но ссориться с ними нам было не резон, ведь помочь перебраться через горы могли только они. Пришлось искать общий язык. Хорошо хоть, что мы худо-бедно друг друга понимали.

– А пока мы этот общий язык искали, умудрились и в яме у них посидеть, потому что Сильвер запретил нам обнажать оружие, – снова встрял в разговор Теофил.

– У нас вас бы встретили так же, ну, или почти так же, – признала Амирель, – я думаю, что маленькие и уязвимые народы всегда боятся незнакомцев. Кто знает, что вы можете им принести?

– Если б мы пришли раньше барона, никаких трудностей у нас не было. Это он нам много пакостей устроил! – Теофил сердито сплюнул на землю. – Нам еще повезло, что к тому времени Контрарио утратил Тетриус и чары камня потихоньку рассеялись. Не то б Оттавио, служа своему господину, нас дальше и не пропустил.

– Он бы этого при всем своем желании сделать не смог, – в разговор вступил молчавший до этого Алонсо, – потому что нас догнал Феррун.

Амирель невольно оглянулась назад, туда, где замыкающим шел ее муж. Проследивший за ее взглядом Сильвер резко выдохнул, но спокойно подтвердил:

– Да, нас нагнал Феррун. Цацкаться он ни с кем не стал, закинул вождя на ёлку и уверил, что перебьет всех, если нас не выпустят и не помогут ему пройти в Северстан. После этого барон тут же заявил, что он нас знает – а то до этого он нас не признавал – и что мы его лучшие друзья. Он изъявил желание идти с нами, и Феррун согласился. Но с условием, что корежане помогут нам раскопать заброшенный тоннель. Те подняли его на смех, заявляя, что никакого тоннеля под горой нет, и идти надо поверху, по горе, но там никто пройти не сможет, потому что на перевале живет огромный людоед.

– И что, там в самом деле живет людоед? – с замиранием сердца выдохнула Амирель и неосознанно придвинулась ближе к мужчине.

Сильвер склонился к ней, будто желая защитить.

– Не знаю. Во всяком случае, в горы корежане не ходят, потому что из всей группы ушедших туда лет десять назад охотников вернулся только один. Он рассказал, что сначала на них сошла лавина, а потом напал огромный волосатый людоед. Но Феррун заявил, что по горе идти вовсе не нужно, что в его карте ясно видно: тоннель проложен под горой, и нужно просто-напросто разобрать завалы.

– Да, у Ферруна все всегда просто, – не стала возражать Амирель. – Для него. Обычным людям его «простота» не по силам.

– Это точно, – с улыбкой поддержал ее Сильвер. – То, что запросто проделывает он, мы сделать не сможем никогда. Он показал нам старинную карту, где, по его словам, четко видно, что вход в тоннель у нас под носом. Мы дружно пялились в этот пожелтевший от времени кусок пергамента и не видели ничего. В конце концов, обзвав нас слепыми кротами, он пошел к горе возле самого стойбища и показал, где нужно копать.

– Никто из нас, да и из корежан, копать не хотел, считали это пустой тратой времени, – Теофил с сочувствием посмотрел на свои руки, до сих пор покрытые грубыми мозолями. – Но пришлось, потому что с Ферруном не поспоришь. И через недельку мы в самом деле отрыли вход. После этого все воодушевились и захотели идти с нами. Феррун взял с собой сотню крепких мужиков, по мере продвижения отправляя их помаленьку назад. Мы прошли без препятствий почти до конца, только оставляли в схронах часть запасов на обратную дорогу. Но в конце тоннеля пришлось полопатить землю и камень потаскать. И надо честно сказать: если б не Феррун, мы никогда б не добрались до выхода. Он один знал, в какую сторону идет подземный ход и где надо рыть.

– А потом, когда мы увидели-таки солнечный свет и оказались в Северстане, он отправил последних землекопов восвояси, заявив, что тут опасно. Но прежде они помогли нам устроить ловушку. Интересно, попался в нее кто-то или нет? Было бы жаль, если б люди пострадали, – Сильвер нахмурился, сожалея. – Но что делать, не могли же мы оставлять врагов за спиной. Свою миссию мы выполнили, помогли Ферруну добыть камень. А то, что у него оказалось сразу два осколка, на редкость счастливое совпадение. Но Ферруну всегда везет. Планида у него, видимо, такая.

– В нем наверняка тоже течет истинная королевская кровь. Потому что камень королевы Лусии подчиняется только истинной королевской крови. Я многое могу, но мне Секундо не подчинился, наоборот, он подчинил меня себе.

– Феррун – король? – воины рассмеялись, будто услышали веселую шутку. – Ты только ему об этом не говори! – попросили хором. – А не то он потребует воздавать себе королевские почести!

– Мне кажется, ему все равно. Он равнодушен к титулам и власти. Он совсем не похож на знакомых мне людей, – тихо сказала Амирель. – Он будто не из нашего времени. Очень, очень странный.

Сильвер пожал плечами и промолчал.

– Скандалист он изрядный, только и всего, – Теофил не питал к героизму Ферруна никакого почтения. – Если б я мог, то держался бы от него подальше.

– А я все слышу! – раздался позади недовольный голос Ферруна. – Не думайте, что можете безнаказанно точить об меня свои длинные бабьи языки.

Сильвер виновато развел руками и сказал:

– Извини, мы умолкаем.

Он замолчал, и Амирель осталось лишь мучиться любопытством: ей так хотелось спросить своего спутника о порядках в Терминусе и потихоньку выяснить, в самом ли деле брак, заключенный в чужой стране, недействителен в Терминусе? Если это так, получается, она ничем с Ферруном не связана? Хорошо это или плохо?

Сильвер хмуро молчал, пристально вглядываясь в дорогу. Света факела хватало ярдов на пять-шесть, дальше все скрывалось в тягостной пелене. Ему было не по себе от столь огромной толщи земли над головой, но он был воином и привык скрывать свои чувства, так же, как и остальные члены его отряда.

Но почему не страшно идущей рядом с ним девушке? Может быть, она не осознает притаившейся опасности или в самом деле колдунья? Так ни до чего и не додумавшись, решил спросить прямо:

– Амирель, ты не боишься?

– Чего? – она недоуменно повернулась к нему и чуть склонила голову к плечу.

– Всего, что вокруг? – он повел рукой, показывая на чернеющие стены. – Вдруг случится обвал, и мы все будем погребены под его толщей?

Амирель прислушалась к гулкой тишине. Не ощутив никакой угрозы, поспешила его успокоить:

– Никакой опасности нет, я бы почувствовала. Просто нам всем не по себе от непривычной обстановки. Но я читала, что прежде под землей были целые поселения, да и сейчас дикари зачастую живут в подземельях, ведь в пещерах легче обороняться от диких зверей.

Неожиданно Сильвер почувствовал себя лучше. Уже не так давила толща камней над головой, и сковывающая сердце тоска отступила. Он понял, что это влияние Амирель, и благодарно проговорил:

– Ты всегда так действуешь на людей?

– Как? – не поняла она его.

– Успокаивающе, – он хотел взять ее за руку, но вспомнил об идущих за ними мужчинах и не позволил себе столь фамильярного жеста.

– Не знаю, – она с подозрением посмотрела на него, не шутит ли он. – Я никого специально не успокаивала. Мне другие вещи делать приходилось.

– Ты мне потом обо всем расскажешь, в уютном безопасном месте и без любопытных ушек, – Сильвер взмахнул факелом, разметав вокруг шлейф красноватых искр.

Амирель кивнула, согласившись. Конечно, здесь им беседовать не следовало, слишком много чужих ушей прислушивалось к их разговору. Ей тоже хотелось поговорить с Сильвером просто так, узнать о его жизни, рассказать то, что мучило ее, да и посмотреть на него при ясном свете дня тоже очень хотелось. Она до сих пор не была уверена, он ей снился или нет.

– Сильвер, ты привал устраивать не собираешься? – насмешливо спросил Эдмунд. – Мы понимаем, тебя подпитывает висящий на груди красавицы волшебный камень, но у нас-то такого источника бодрости нет, мы устали. Мы весь день идем без привала.

Сильвер спохватился и посмотрел вокруг. Эта пещера, сверкающая сине-зелеными стенами, была им хорошо знакома, они уже останавливались здесь, когда шли в Северстан, да и последний схрон устроен именно тут. А это значит, что до выхода из тоннеля осталось совсем немного. Он объявил привал.

Амирель вовсе не чувствовала себя усталой и не могла понять, отчего. В самом деле ей придавал силы амулет, или это действие чего-то вовсе другого? Заметив, каким жадным взглядом посмотрел на ее грудь Сильвер, догадалась, на что намекал Эдмунд. Тот имел в виду вовсе не колдовской камень, а ее саму.

Спать, как обычно, улеглась с Ферруном, и снова под укоризненным взглядом Сильвера чувствовала себя предательницей, хотя для этого не было никакого повода.

Таким же бодрым темпом, как накануне, они прошли оставшееся расстояние. Выходя из темного тоннеля ранним утром, шурились, гася факелы. Солнце еще не разгорелось как следует, но уже слепил глаза сверкающий снежный покров, плотным слоем лежащий на огромных окрестных горах.

Проморгавшись, Амирель повернулась к Сильверу и тихо ахнула: это был он, суженый из ее снов, сероглазый и веселый. А тот, улыбнувшись ей бесшабашной мальчишеской улыбкой, тихо прошептал:

– При свете дня ты еще краше, чем в полумраке. Я никогда таких красавиц не видал.

– И что из того? – грубо прервал его неслышно подошедший Феррун. – Это моя жена и нечего на нее пялиться.

– Она тебе не нужна! – враз помрачнел Сильвер.

– Это ничего не значит! – высокомерно заявил Феррун. – Нужна, не нужна – неважно, пусть будет. На что-нибудь да сгодится.

Амирель зло посмотрела на него. Вот что он говорит?! Она будто вещь какая-то или, что вернее, игрушка! «Пусть будет» – надо ж такое ляпнуть! Понятно, что он говорит это исключительно назло Сильверу, но все равно отчаянно обидно.

Почувствовав себя куклой, из-за которой дерутся двое глупых мальчишек, она помрачнела. Что станет с этой бедной куклой, когда они решат, что никому из них не нужна?

Не дожидаясь ответа, Феррун пошел вперед; Агфе, пофыркивая от яркого света, двинулась за ним. Припасов в ее мешках почти не осталось.

– Нам наших запасов только-только хватило, – Алонсо подцепил свой тоже изрядно полегчавший мешок и пошел следом за Ферруном.

Глава третья

Воины прошли мимо Амирель с Сильвером, с интересом на них поглядывая. Идущий последним Эдвард укоризненно покачал головой, но ничего говорить не стал. Сильвер же стоял, завороженный необычайной синевой глаз Амирель, не в силах оторваться от нее.

– Как же ты красива! – признался он и прошептал уже про себя: – И как я теперь буду жить без тебя?

Эти слова она не поняла и потянула его следом за всеми, боясь отстать. Через несколько фулонгов они догнали маленький отряд и пошли последними. Вскоре показались деревянные дома, очень похожие на деревенские дома Северстана. Амирель даже решила, что стойбище, как эту довольно большую деревню называл Сильвер, поставили выходцы с ее родины.

Но мальчишки, первыми увидевшие их и ринувшиеся им навстречу, изъяснялись на ломаном терминском языке.

Амирель с трудом понимала их и скорее догадывалась, чем уверенно переводила.

– Вы вернулись, вы вернулись! – кричали они, приплясывая вокруг. – А вождь говорил, что вы сгинете в той страшной ледяной стране!

Шагающий первым Феррун вспомнил о камне и дождался, когда к нему подойдут Амирель с Сильвером.

– Мне нужен амулет! – сказал он жене и просверлил слишком близко идущего к ней Сильвера недобрым взглядом.

Тот отодвинулся, нехотя уступая Ферруну место рядом с девушкой. Амирель положила руки на цепочку, но тут же отдернула их, почувствовав жар, идущий от амулета.

– Сними сам, он сопротивляется! – попросила она и склонила голову.

Насмешливо фыркнув, Феррун снял с нее цепочку с ярко сверкнувшим на солнце камнем, надел ее на себя и аккуратно заправил под камзол. Сильвера передернуло, когда твердые пальцы Ферруна коснулись нежной женской кожи, и он стремительно отвернулся, не желая видеть неприятное свидетельство их близости.

Осторожно спросил у Амирель, все так же глядя в сторону:

– У тебя не возникло ощущения потери без этого амулета?

– Потери? – она удивилась. – Нет. Наоборот, мне без него гораздо легче, он меня давит. А почему ты задаешь такие странные вопросы?

– После утраты Тетриуса граф Контрарио чуть с ума не сошел, – пояснил Сильвер, повернувшись к ней. – Единственное, к чему он всей душой стремился – это вернуть камень. Поэтому и спрашиваю.

– Я очень рада, что Феррун смог снять с меня этот противный амулет, – Амирель опасно посмотрела на грудь Ферруна, и ей показалось, что камень в ответ на ее непочтительные слова угрожающе сверкнул красным. – Я Секундо просто боюсь. И мне он не нужен.

– Просто ты слабачка, хоть и хваленой королевской крови, – насмешливо хмыкнул Феррун. – Мне подчиняются все и вся. Потому что я всех сильнее.

Привычные к его хвастовству мужчины только насмешливо переглянулись, а Амирель рассерженно прошипела:

– Поменьше хвались, бахвал! Помни – и на старуху найдется проруха!

– Никаких старух я не боюсь, – презрительно парировал тот. – На себя посмотри, кулема трусливая!

Амирель замолчала, не желая ввязываться в этот детский спор. Их отвлек торопливо подошедший к ним высокий человек в меховом плаще, похожем на те, что были на воинах Сильвера, только чистом, а не грязном, как у них.

– А вот и наш барон Оттавио, – шепнул Сильвер Амирель. – Весьма недостойная личность. Не приближайся к нему слишком близко. Никогда не знаешь, какую подлость он тебе готовит.

– О, это вы, мои дорогие друзья! – с неискренней радостью возвестил подошедший к ним барон. – Рад, безмерно рад вас видеть! Надеюсь, вы добыли то, за чем ходили? – и жадными глазами окинул стоящих перед ними мужчин, прикидывая, у кого из них может находиться драгоценный камень. На Амирель, стоящую в таком же плаще, как у всех воинов, он внимания не обратил, приняв ее за мужчину.

Она же, впервые в жизни видевшая столь откровенно фальшивого человека, смотрела на него, брезгливо морщась. Ей очень хотелось приказать ему прекратить кривляться, но она не могла себе такого позволить. Пусть решает Сильвер, как поступать со столь откровенным пройдохой.

Барон тем временем попытался обнять Сильвера, как главного в отряде, но тот резко отстранился с суховатым:

– Осторожно, барон, вы измажетесь о мой грязный плащ.

– О да! – воскликнул тот, звонко шлепнув себя по лбу. – Какой же я негостеприимный! Сейчас я прикажу нашим мужчинам затопить баню, и вы сможете всласть попариться, пока женщины стирают вашу одежду.

Воины переглянулись. Помыться после тяжелой дороги всем хотелось невероятно, но полагаться на честность барона не стоило. Он и без влияния графа Контрарио был недостоин доверия. Оттавио никогда не скрывал, что единственно ценимые им на этом свете вещи – золото и власть.

Решил за всех Феррун:

– Я смотрю, всем очень хочется понежиться в этой странной мыльне, которую местные называют нелепым словом «баня». Идите все, кто хочет, а я там жариться не собираюсь. Мне и так хорошо.

Сильвер с товарищами согласился, но с условием, что Феррун их покараулит снаружи. Тот был против, у него были другие намерения на этот день, о чем он им и заявил. Тогда Амирель с готовностью предложила, желая услужить:

– Я и сама могу посидеть перед баней, ничего в этом зазорного не вижу.

Мужчины выпучились на нее, как на невиданную зверушку.

– Здесь бани топят так жарко, что приходится выбегать из нее, чтоб хоть немного охладиться. А еще лучше нырнуть в снег. Гольшом, естественно, – насмешливо просветил ее Эдмунд. – Тебе нравится смотреть на голых мужиков?

Амирель покраснела до кончиков ушей. Об этом она не подумала. В их деревне бань не было и мылись они в огромной деревянной лохани в комнате, где горел жарко натопленный камин.

– Ладно, я покараулю! – Феррун зверем посмотрел на жену, вынудившую его к этому столь низкому для него занятию. – А вот куда девать тебя? Что ты будешь делать?

– Посижу где-нибудь, отдохну, – сказала она самым мирным тоном, боясь задеть вспылчивого муженька. – Не беспокойся обо мне.

– Ну ладно, – небрежно согласился тот. – Если что, зови.

– Зачем звать? – она посмотрела на толпившихся неподалеку мужчин и женщин в странной одежде, с любопытством оглядывающих их, но не подходивших близко. – Не думаю, чтоб ими было трудно управлять.

– Я и забыл, что ты можешь справиться с целой толпой народа. Попробуй! Вели-ка им, чтоб они шли отсюда заниматься своими делами, – Феррун повелительно прищелкнул длинными пальцами, – а то они мне жутко надоели! Так и хочется разогнать их пинками!

Амирель повернулась к любопытствующим и, сосредоточившись, произнесла по-север-стански:

– У вас много дел, идите к себе!

Толпа мгновенно истаяла, будто ее тут и не бывало.

Сильвер недоверчиво оглянулся.

– И что это было? – он не представлял, что можно сделать, чтоб эти дикари так просто подчинились даже не команде, а просьбе, да еще высказанной на незнакомом им языке.

– Я же говорил, что она колдунья, – с непонятным злорадством заявил Феррун. – Что, никто не поверил?

Все застыли в изумлении. Не желая раздоров в отряде, Сильвер повернулся к опасливо глядящим на Амирель воинам и спросил, переключая их мысли на насущные дела:

– Все идут мыться? Грязным никто оставаться не желает?

В баню захотели все, кроме Ферруна. Через полчаса барон сообщил, что все готово, и они всемером отправились в топленную по-черному баню. Возле нее на страже остался Феррун, рассеянно поглядывающий окрест.

Барон остановился подле него, разглядывая тонкокостного парня через неприязненный прищур блеклых глаз.

– Вы нашли камень? – спросил он через некоторое время, ничего не выяснив по бесстрастному лицу Ферруна.

– Да, – кратко ответил тот, – он у меня.

– Покажи! – барон посмотрел на руку парня, думая увидеть кольцо наподобие Тетриуса времен графа Контрарио.

Феррун с усмешкой вынул синий камень на цепочке. Тот угрожающе сверкнул, но Оттавио не внял угрозе. Ему казалось, тот, кто обладает камнем, может позволить себе все. А обладать им он очень хотел. Ведь кто посмеет сказать его обладателю, что тот недостойн занимать престол Терминуса?

– Красивый камешек, – медленно протянул он, прикидывая, как же его можно заполучить. – Не думаю, чтоб с ним было много хлопот. Но почему он синий? Я точно помню, Тетриус у графа Контрарио был красным.

– Камень такого цвета, потому что у меня такие глаза, – с ядовитой насмешкой ответил ему Феррун. Ему не нравился этот льстивый тип.

Не понимая этого, Оттавио с фальшивым восторгом провозгласил:

– Вы великий воин, в этом нет сомнений!

– Это все знают, – милостиво согласился с ним Феррун, окидывая барона откровенно уничижительным взглядом.

Наконец догадавшись о выказываемом ему пренебрежении, тот, кое-как попросившись, отправился прочь, широко шагая и зловеще потряхивая головой. Стоило ему уйти, и Феррун тотчас о нем забыл, как о пролетавшей мимо навозной мухе.

Женщины в длинных, расшитых растительным узором сарафанах, поверх которых было надето что-то вроде халатов из плотной, грубо выделанной шерсти, принесли чистую одежду для мужчин и забрали грязную. Феррун поморщился, увидав посконные портки из грубой домотканой ткани. Хорошо, что он не подвержен такой дури – мыться где попало. Да и одежда у него вполне даже чистая. Почти.

Интересно, где Амирель? Не попала бы она по своему обыкновению в какую-нибудь переделку. Конечно, если на нее нападут лицом к лицу, она сладит с любым, но если подкрадутся сзади и стукнут по затылку, как уже бывало, что тогда?

Он прислушался, стараясь расслышать ее голос. Но из бани неслись такие крики, что заглушали все остальные звуки.

– Их всего семеро, – Феррун был по-настоящему разозлен, – а орут как целое войско в атаке. Что за народ?

Тут перегревшиеся мужчины принялись выскакивать гольшом из дверей бани и прыгать в небольшой сугроб у входа, охлаждаясь. Феррун поморщился – он подобную вольность не одобрял. Охладившись, Сильвер с товарищами снова ломанулись назад, в жару, прогреть усталые кости. Вышли только через пару часов, обряженные в смешную одежду местных мужиков.

Феррун с высокомерным видом окинул их пренебрежительным взглядом.

– Хороши! – его насмешили их огненно-красные лица. – И как, понравилось?

Воины уже испробовали все прелести местной помывки в прошлый свой приход сюда и в ответ только закивали. Сильвер вообще мечтательно пообещал:

– Вот придем домой, велю в нашем поместье такую же соорудить, я все устройство рассмотрел. Будет где париться, это здорово. И хоть устаешь, но зато потом истома такая, будто живым в рай попал.

На это Феррун лишь пожал плечами, не понимая подобного удовольствия. Они всей гурьбой пошли в дом вождя, где их ждал обильный обед. Сильвер надеялся увидеть там Амирель, но ее не было. На вопрос, где она, одна из женщин скромно ответила, что чужеземная девушка так устала, что уснула в одном из домов. Ферруну показалось это странным, он знал, что Амирель сильная и выносливая, хотя всегда говорил другое, чтоб ее поддразнить, но женщины по местному обычаю сразу ушли, чтоб не мешать мужчинам, и он так и не узнал, где же отдыхает его жена.

Еда была обильной и тяжелой, вместо вина принесли какой-то отвратительный вонючий напиток, от которого здоровым местным мужикам тут же выносило мозги, и они превращались в малолетних детей. Сильвер, попробовавший эту дрянь в прошлый раз, запретил своим воинам брать его в рот.

Никто его запрет нарушить не пытался, все помнили мерзкие ощущения, испытанные ими на следующее утро после прошлого пира. Сидевший рядом с вождем барон хмуро поглядывал на непослушных гостей, отвергавших его настойчивые призывы выпить. Он бы спровоцировал откровенную драку, но вождь, посидевший однажды на верхушке огромной ели, больше подобный опыт повторять не захотел и своим людям велел вести себя скромнее, чтоб не злить страшного Ферруна.

Спать пришельцев положили в одной из комнат большого деревянного дома прямо на полу, на довольно теплых и мягких шкурах то ли местных кудлатых быков, то ли северных оленей – никто из терминцев их правильных названий не знал, в их стране подобные не водились.

Все заснули сразу, но Феррун спать не стал. Ему было непривычно отсутствие Амирель рядом, и он заподозрил неладное. Решив ее разыскать, бесшумно прошел в полной темноте по небольшому коридору, оказался на улице. Стояла глубокая ночь, и хотя не такая белесая, как в Северстане, но и не такая темная, как в Терминусе.

Небо, затянутое плотными облаками, извергало мелкую снежную пыль, ужасно не нравившуюся Ферруну. Мало того, что она была отвратительно холодной, так еще и выдавала, куда он направился, оставляя его следы на белом полотне дороги.

Он почуял запах Амирель на скамейке возле дома, но сидела она здесь несколько часов назад. Интересно, почему не зашла внутрь? Что ей помешало? Обошел несколько домов в округе, прислушиваясь и принюхиваясь. Амирель больше нигде не пахло. Это ему не понравилось. Далеко бы она не ушла, не предупредив ни его, ни Сильвера. Ее что, похитили? Эта мысль была ему неприятна. Он хотя и относился к Амирель с демонстративной неприязнью, но уже к ней привык и отчего-то считал своей маленькой сестренкой, которую нужно защищать от то и дело обрушивающихся на нее бед.

Возле небольшого домика почти у самой кромки густого леса он замер, почувствовав легкий запах Амирель. Она пахла лесными цветами, и этот запах ему нравился. Но теперь он

перебивался запахом слез и крови. Что случилось? Сжав в руке меч, он ворвался в дом, боясь увидеть ее на дыбе.

Но там стояли лишь печальные женщины, испуганно взвизгнувшие при виде него. Увидев лежащую на кровати бледную до смертельной белизны незнакомую женщину, Феррун с силой задвинул в ножны лязгнувший меч и чуть не выругался вслух. Вернее, несколько слов у него все-таки вырвалось, но утомленная Амирель, стоящая у головы истерзанной женщины, им только обрадовалась.

Когда Амирель ушла от бани с мывшимися в ней мужчинами, ей ужасно захотелось искупаться хотя бы в холодной реке. Давно не мытое тело чесалось, да и пахло не очень-то приятно. Она думала попросить кого-то из встреченных женщин пустить ее к себе помыться, отдав золотой из своих запасов, но не знала, примут ли они деньги Северстана.

Да и в ходу ли у них вообще золото? Может быть, им нужно что-то другое? Но единственное, что она умеет делать – это лечить. Пользоваться своим умением приказывать ей не хотелось. К тому же вдруг без близости амулета у нее ничего не получится? Она всегда управляла людьми только тогда, когда рядом был Секундо: или у нее самой, или у Ферруна.

Возле одного из домов, очень похожего на ее родной дом в Северстане, мелькнула молодая женщина в сером шерстяном платье с накидкой на плечах.

– Подожди! – Амирель вскрикнула, желая спросить у нее, не приютит ли та ее хотя бы ненадолго.

Женщина замерла, боязливо глядя на нее. Подойдя поближе, Амирель спросила:

– Можно мне у вас вымыться и переодеться? Ну и белье постирать?

Та сглотнула и кивнула, ничего не говоря. Обрадованная Амирель достала золотой и подала ей. Женщина недоуменно посмотрела на него и вернула.

– Не нужно мне ничего, да я и не знаю, для чего служит этот кругляшек. Если только отдать играть детям.

– Это деньги, – пояснила Амирель. – На них в моей стране можно купить много хороших вещей. Придет время, и дорога из Севестана в Терминус будет открыта. Тогда этот золотой пригодится.

Женщина снова взяла монету и повертела ее в руках. Видно было, что в слова чужестранки она не верит.

– Хорошо, я ее возьму и спрячу до лучших времен. Баня у нас истоплена, можно идти мыться.

Попросив подождать ее несколько минут, Амирель убежала за своими вещами. Принеся мешок, достала оставшуюся чистую одежду, грязную забрала хозяйка, пообещав выстирать и высушить на печке. Объяснив, как нужно мыться в бане, оставила ее одну.

Амирель вымылась быстро: к такой жаре она не привыкла, от нее кружилась голова, спирало дыхание, и слова Эдмунда о купании в снегу уже не казались перебором – она и сама сейчас была бы не прочь нырнуть в приятную прохладу сугроба.

Выйдя из бани, поняла, что дальше не в силах сделать и шагу: истома вкупе с усталостью сделали из нее безвольную куклу. Хозяйка предложила гостье поспать в горнице, и Амирель с удовольствием согласилась. Растянувшись на пуховой перине, ощутила себя наверху блаженства. Только познав трудности, можно оценить уют самого простого крестьянского дома. Едва закрыв глаза, вмиг провалилась в глубокий, без сновидений, сон.

Проснулась от грубого потряхивания и тихих зловещих слов:

– Проснись, чужестранка, проснись! Тебя хотят убить!

Амирель вмиг открыла глаза. Рядом с ней стояла хорошенькая молодая девушка и смотрела на нее, предупреждающе приложив палец к губам.

– Уходи скорее, сюда идут, чтобы тебя убить! Марима и ее домочадцы не смогут тебя защитить! Я помогаю жене господина Оттавио и слышала, как он говорил своим людям, что тебя надо убить, ты колдунья.

Амирель помедлила. Может быть, остаться и посмотреть, что за герой решил ее убить? Или без Секундо это слишком опасно? Решив не рисковать так глупо, быстро оделась и вышла из дома через задний ход. Девушка провела Амирель до дома, где находился Феррун с отрядом, и убежала, боясь, что ее вот-вот хватятся.

Из окна, за которым пировали мужчины, доносились громкий смех и непристойные выкрики. Не заходя внутрь, Амирель присела на низкую скамеечку возле дверей, не желая слушать грубые мужские разговоры. Смеркалось, на стойбище рваными клоками опускался туман. Беспокойство было разлито в воздухе, и она напряглась, пытаясь понять, откуда грозит опасность.

Ей почудился тихий женский вскрик, и она привстала, глядя в ту сторону, но громкие голоса воинов, доносившиеся из дома, заглушали все другие звуки, и она так и не смогла понять, показался ей этот вскрик или нет.

Она бы просидела так долго, если б к ней не прибежала маленькая испуганная девочка в плотном шерстяном халате, сшитом явно на вырост и волочившемся за ней по снегу. Плача, она взмолилась:

– Пойдемте скорее со мной, госпожа, там Рияллу избили, и она умирает! Спасите ее, прошу! Она очень хорошая! – и малышка потянула ее за собой, цепко ухватив за полу плаща.

У Амирель мелькнула мысль о засаде, но обмана она не почувствовала и быстро пошла вслед за девочкой. Та довела ее до покосившегося домишки почти на самой окраине и распахнула дверь.

– Я привела колдунью! Она спасет Рияллу! – с этим криком малышка забежала внутрь.

Амирель вошла следом. В маленькой комнатке пахло свежей кровью и слезами. Посредине на кровати лежала та самая девушка, что предупредила ее о засаде. Она тихо стонала, ее глаза были мертвы.

Амирель метнулась к ней, положила руку на лоб и ахнула – та была избита так, что все внутренние органы превратились в сплошное месиво. Жить ей оставалось несколько часов.

Как ей нужен Секундо, а еще лучше – Феррун! Вряд ли у нее хватит сил спасти бедняжку, уж очень сильные разрывы. Но она положила руки ей на живот и начала лечение. Через полчаса поняла, что силы кончаются. Как ей позвать на помощь мужа? Попросить сходить за ним кого-нибудь из стоявших вокруг женщин?

Будто услышав ее мольбу, в комнату вошел Феррун с мечом наголо и зло выпалил ругательство о ее безголовости. Не отрывая рук от умирающей, Амирель радостно выдохнула:

– Как хорошо, что ты пришел, Феррун! Я уже так устала, что ничего сделать не могу. Помоги!

– Ты не можешь сделать? Что за чушь! – он посмотрел на женщину. Ее истерзанный вид его насторожил. – Ее что, кто-то бил?

Стоящие вокруг женщины отвели глаза. Амирель посмотрела на свои руки, из-под которых не видно было зеленых искорок, и прошептала:

– Она предупредила меня о засаде, и ее безжалостно избили.

Феррун подошел ближе.

– Но видимых следов побоев нет. Она умирает от внутреннего кровотечения, это я вижу. Что с ней делали?

Немолодая женщина в темно-зеленом платье из грубого полотна тихо ответила:

– Ее били мешками с песком, чтобы не осталось следов. Это Риялла, служанка жены Оттавио. Он злой. Это он ее бил, ему помогали его люди. Наши мужчины не бьют женщин. Нас берегут, нас слишком мало.

– Почему вы не выгоните Оттавио, – удивленно спросил Феррун, кладя ладони поверх рук жены, – если он злой?

Женщины воскликнули одновременно:

– Мы бы выгнали, но он понравился вождю. Сумарума желает власти, большой власти, навсегда.

Из-под рук Амирель сверкнуло зеленое пламя и ушло в тело замученной женщины. Она застонала.

– Зря вы это делаете, – скорбно сказала старуха, хмуро следящая за стараниями гостей. – Ее все равно убьют, вмешиваться никто не посмеет. Оттавио обвинил ее в измене. Он сказал, что она помешала ему.

– В чем помешала? – вскинулся Феррун, представляя, с каким наслаждением схватит за горло этого подлеца.

– Мы не знаем, – сокрушенно признались женщины. – Он никому ничего не говорит. Но он злой, очень злой. Это он надоумил нашего вождя забрать всю власть себе и не отдавать ее тому, кто сильнее.

– А, у вас вождем становится тот, кто сильнее? – догадалась Амирель.

– Тот, кто пройдет испытание, – строго поправила ее старуха. – Очень сложное испытание. Тот, кто своими умом и отвагой докажет, что достоин быть вождем корежан. А Сумарума не хочет отдавать власть добровольно. Он желает править до смерти, а потом передать власть своему сыну. Так, как это делают короли в незнакомых нам странах где-то на окраине мира.

– Для нас это чуждо, и мы против, – подтвердили женщины ее слова. – Но что мы можем сделать?

– Объединиться и выгнать прочь вредного чужака, вот и все, – Феррун не понимал их страданий.

Женщины осторожно подошли поближе.

– Если б это было так просто сделать, мы бы давно его изгнали. Но наш народ разделится на две части. Те семьи, в которые вошли чужаки, горой стоят за перемены. А мы уверены, что ничего доброго эти перемены нашему народу не принесут.

– Похоже, барон решил стать здешним королем, – Амирель приподняла голову Рияллы и напоила ее водой из берестяного теска. – Мне нужно с ним серьезно поговорить. И вообще со всеми.

Феррун, внутренне радовавшийся, что с ней ничего не случилось, надулся и заявил:

– И чего ради ты вздумала вмешиваться в чужие дела? Барона нужно наказать, я не против, и я это сделаю, когда мы пойдем дальше. Откуда ты знаешь, что лучше, что хуже для этого стойбища?

Амирель погладила по лбу пришедшую в себя и восторженно глядящую на нее девушку.

– Мы тебя вылечили. И я прикажу твоему народу тебя не трогать.

– Возьмите меня с собой! – внезапно взмолилась та. – Я все умею делать, а чего не знаю, тому научусь. Здесь мне плохо, а вам я буду служить честно и добровольно.

– Да-да, – Феррун уничтожительно посмотрел на Амирель. – Тебе совершенно необходима камеристка, ты же королевской крови! И как это ты до сих пор обходилась без нее?!

– В королевском дворце Северстана камеристка у меня была, – прохладно осадил ее жена. – И несколько слуг. Но в Терминусе я жена простолюдина и иметь служанку себе позволить не могу. – И лукаво обратилась к мужу за подтверждением: – Я права? Ты же обычный простолюдин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.